

КРЕСАЛА В ПОЗДНЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Введение

Железные кресала - одна из интереснейших категорий бытового инвентаря, распространенного повсеместно в период средневековья как у оседлых, так и у кочевых народов. Кресала являются относительно частой находкой среди поселенческого материала и в погребениях. За последние полвека в связи с крупномасштабными раскопками различных памятников на территории Советского Союза был накоплен довольно значительный материал по кресалам. Однако эта категория инвентаря до сих пор остается без должного внимания исследователей. Изучению подвергались многие типы вещей: украшения, керамика, вооружение, поясной набор, предметы конской упряжи и т.д. Из бытового инвентаря более всего изучены ножи. Специальных работ, посвященных железным огнивам, в отечественной литературе всего несколько. Прежде всего следует назвать статьи Л.А.Голубевой (Голубева Л.А., 1964, с.130-132; 1965, с.257-260; Голубева Л.А., Варенова А.Б., 1993, с.94-107). В них рассмотрено два типа кресал: пластинчатые и кресала с бронзовыми рукоятями. Семантике кресал с бронзовыми рукоятями Прикамья посвящена работа Г.Ф.Корзухиной (Корзухина Г.Ф., 1977, с.156-161). Происхождение и распространение кресал с бронзовыми рукоятями интересовало некоторых зарубежных ученых (Пиркко-Лииза Лехтосало-Хиландер, 1979, с.81-90; Kivikoski E., 1937, s.244-245; Kaks P., 1969, s.155). Типологию пластинчатых пшеворских кресал разработал А.Коковский (Kokowski A., 1985, s.109-127). Бытовым находкам из Пскова посвящена статья Н.А. Лобанова (Лобанов Н.А., 1989, с.83-84). В ней дана типология и хронология 28 экземпляров псковских кресал. Классификация и датировка дальневосточных кресал представлена в работах Л.П.Ходзевича и Э.В. Шавкунова (Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В., 1990, с.109-121). В основном же, кресала изучались попутно и довольно поверхностно среди прочего инвентаря, который был добыт при раскопках различных памятников. Первую разработку типологии и хронологии древнерусских кресал на материалах Новгорода сделал Б.А.Колчин (Колчин Б.А., 1959, с.98-102, рис.84). Спустя более двадцати лет он ее значительно (особенно хронологические рамки) переработал и уточ-

нил (Колчин Б.А., 1982, с.161, рис.4). Большинство исследователей приняло и широко пользуется классификацией и датировкой кресал, которые предложил Б.А.Колчин.

Типологию и хронологию кресал, встречающихся в погребениях поздних кочевников Восточной Европы, разработал Г.А.Федоров-Давыдов. Правда, продатировал он лишь тип Б-III, который отнес к IV периоду (вторая половина XIII-XIV вв.). А типам А-II и Б-II даны аналогии в Новгороде (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.84, рис.12). Этой разработкой также часто пользуются исследователи.

Некоторые авторы (Коренько А.В., Атавин А.Г., 1986, с.100 и др.) используют датировки кресал, предложенные для позднекочевнических погребений С.А.Плетневой в 1958 г. (Плетнева С.А., 1958, с. 159, 169). Однако следует отметить, что в своей работе исследовательница не дала никакого обоснования хронологии кресал, тем более таким узким датам как середина XII в. и начало XIII в. Более того, если на с.169 "прямоугольные замкнутые" кресала датируются началом XIII в., то на с.173-176 они уже упоминаются среди древностей XIII и даже XIV вв. На рис. 9, на котором якобы изображено "овальное замкнутое" кресало, датируемое С.А.Плетневой серединой XII в., вообще нет никаких кресал (!). Непонятно, что же автор имела ввиду. К сожалению, терминология кресал, которую исследовательница использовала в данной работе, крайне неудачна. Так, например, калачевидные с треугольным язычком кресала названы ею овальными с незамкнутыми, загнутыми в завитки концами (с.159) и треугольными с завитыми концами (с.169). С.А.Плетнева сама в 1973 г. признала, что в этой статье "материалы не были рассмотрены и обработаны с должной тщательностью и полнотой" (Плетнева С.А., 1973, с.7). В подтверждение вышесказанного можно привести следующее. В работе 1958 г. на рис. 16, 1 (комплекс из Каменки, к.434) изображено прямоугольное кресало, а в своде источников в этом же комплексе опубликовано калачевидное кресало с треугольным язычком** (Плетнева С.А., 1973, табл.39,14).

Некоторые исследователи попытались предложить собственные классификации кресал из изученных ими памятников. Но принципы, на которых они построены, близки либо типологии Б.А.Колчина (Савельева Э.А., 1987, с.60), либо Г.А.Федорова-Давыдова (Циркин А.В.,

* Данная статья является расширенным и дополненным вариантом статьи Евглевского А.В., Потемкиной Т.М., 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып.6.

** За прямоугольное кресало, видимо, была принята одна из обоев, которые в "Древностях Черных Клобуков" в описании табл. 39 упомянуты как "цепочка из колечек" (Плетнева С.А., 1973, с. 43).

1987, с.73-74). Многие же авторы, как отечественные, так и зарубежные, вообще не придерживаются не только какой-либо распространенной типологии, но и не употребляют устоявшуюся, общепризнанную терминологию. Больше всего в этом отношении не “повезло” калачевидным кресалам. Как их только не называют: кресала лировидной формы (Береш Ю., 1988, с.206), скобообразные (Асеев И.В., 1980, с.74), железные пластины треугольной формы, длинные концы которых скруглены и загнуты внутрь (Симонова Е., 1984, с.142), луковидные кресала (Воронов Ю.Н., 1979, с.49-50), фигурные (Мовчан И.И., Степаненко Л.Я., 1976, с.115-116), незамкнутый овал с согнутыми концами (Археология Украинской ССР, 1986, с.508-509), прямоугольник с несомкнутыми изогнутыми назад в крутой завиток концами и утолщенной рабочей частью (Плетнева С.А., 1963, с.252) и т.д. К сожалению, не меньшая путаница в терминологии наблюдается и по отношению к другим типам кресал. И даже в классификациях Б.А.Колчина и Г.А. Федорова-Давыдова мы находим подобные неточности. Так, тип А-I у Г.А.Федорова-Давыдова назван “прямоугольным с прямоугольной прорезью”, а на рисунке изображено укороченно-овальное кресало (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.84, рис.12, А-I). Б.А. Колчин к третьему типу (овальные кресала) отнес укороченно-овальные и прямоугольные кресала (Колчин Б.А., 1959, с.101). Правда, в новой редакции типологии кресал (Колчин Б.А., 1982, рис.4) он разделит овальные кресала на 2 типа: овальные короткие и овальные длинные (судя по рисунку, так названы прямоугольные кресала). Б.А.Колчин почему-то так и не решился назвать прямоугольными прямоугольные кресала. Хотя еще А.Л.Монгайт в 1955 г. писал о кресалах Старой Рязани: “Обычно они калачевидной формы, реже встречаются овальные или прямоугольные” (Монгайт А.Л., 1955, с.181). Как нам кажется, именно эти неточности и несоответствия названий действительным геометрическим формам изделий породили ту массу неудачных, а порою просто неверных терминов, которыми изобилует археологическая литература. Так, например, укороченно-овальное кресало из Пскова авторы называли “прямоугольно овальным” (Овсянников О.В., Царькова Л.А., 1983, с.122, рис.2,7), удлинено-овальное - “прямоугольной формы” (Никитина Т.Б., 1992, с.66, рис.31,3), прямоугольное и удлинено-овальные кресала названы, причем неоднократно, пластинчатыми с щелевидной прорезью (Розенфельдт Р.Л., 1987б, с.142; 1987а, с.128; Могильников В.А., 1987, с.172), прямоугольное кресало из кочевнического погребения Миусского полуострова получило наименование “С-видное кресало” (Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988, с.126, 127). Впрочем, этим термином упомянутые выше авторы называли все кресала из позднекочевнических погребений Миусского полуострова. Ряд исследователей вообще избегает называть форму некоторых типов кресал. Например, что можно понять из таких обозначений: “прорезные” (Розенфельдт Р.Л., 1974, с.184-185; Лысенко П.Ф., 1974, с.130), “удлиненные” (Сагайдак М.А., 1988, с.140), “четырёхугольной формы с вырезом” (Циркин А.В.,

1987, с.73)? Максимум, что можно предположить, это то, что речь идет о двулезвийных кресалах. Для тех же, кто далек от данной проблематики, эти так называемые “определения” вообще ни о чем не говорят.

Но есть и положительные примеры. Хотелось бы отметить в этом плане работы Э.А.Савельевой. Если в раннем своем труде (Савельева Э.А., 1971, с.60) она довольно поверхностно отнеслась к классификации кресал, то в работе, посвященной вымским могильникам XI-XIV вв. (Савельева Э.А., 1987, с.60), типология кресал ею была разработана самым тщательным образом. И, если некоторые исследователи порой довольно неуверенно пытались выделить тип прямоугольных кресал, называя их “подпрямоугольными” (Культура Биляра..., 1985, с. 123), “близкими к прямоугольнику” (Лобанов Н.А., 1989, с.84), то Э.А.Савельева четко выделила 4 тип двулезвийных прямоугольных кресал.

После того, как Б.А.Колчин разработал типологию и хронологию новгородских кресал, эту категорию инвентаря стали широко привлекать для датировки памятников. И, если часть исследователей уточняла, что подобные кресала в Новгороде датируются тем или иным временем, то многие прямо переносили новгородскую хронологию кресал на публикуемые памятники. Примеров, к сожалению, немало (Равдина Т.В., 1966, с.222; Бируля И.В., 1970, с.120-121; Кочкуркина С.И., 1986, с.54-55; Назаренко В.А., 1984, с.146; Арсланова Ф.Х., 1983, с.104; Мовчан И.И., Степаненко Л.Я., 1976, с.115-116; Загоруйский Э.М., 1982, с.248; Штыхов Г.В., 1978, с.105; Зверуго Я.Г., 1989, с.125).

Однако есть работы и иного характера. Так, Н.А. Лобанов, исследуя псковские кресала, внимательно отнесся к проблеме хронологии кресал и по каждому типу и варианту провел сравнение с новгородской датировкой (Лобанов Н.А., 1989, с.83-84). Автор убедительно доказал отличное от Новгорода время возникновения и бытования тех или иных типов кресал Пскова.

Недостаточно обоснованным, на наш взгляд, является датирование комплексов по кресалам лишь периодом их наиболее массового распространения (Моця А.П., 1990а, с.120, табл.2). С помощью кресал даже делаются попытки не только датировать памятники, но и определять их этническую принадлежность. Так, например, кресала в виде пластины с ручкой и овальноизогнутой пластины со сходящимися концами считаются этнически определяющими признаками культуры муромы (Голубева Л.А., 1987, с.90; Муром VII-XI вв., 1990, с.44).

Таким образом, отсутствие специального обобщающего труда, посвященного появлению, распространению, бытованию различных типов кресал у народов Восточной Европы, является значительным пробелом в изучении не только материальной, но и духовной культуры, взаимоотношений древнего населения этой огромной территории.

Среди известных нам 2235 комплексов поздних кочевников X-XIV вв. Восточной Европы кресала обнаружены в 293 погребениях, что составляет 13%. Для сравнения: в древнерусских языческих подкурганых захоронениях Южной Руси IX-XIII вв. кресала составляли всего 2% (Моця О.П., 1993, с.28).

Типология

Для типологического и хронологического анализа нами было отобрано 176 экземпляров, сохранность которых удовлетворяет необходимым требованиям. При разработке типологии позднекочевнических кресал нами, как и нашими предшественниками, были учтены два наиболее устойчивых признака: число рабочих сторон и общая форма. Из 176 кресал выделены четыре типа, которые объединены в два отдела.

I отдел (однолезвийные кресала)

Калачевидные

- 1 вариант (с треугольным язычком)
- 2 вариант (с удлиненным язычком)
- 3 вариант (без язычка)

Скобовидные

- 1 вариант (с вертикальными концами)
- 2 вариант (с полостью для рукояти)

II отдел (двулезвийные кресала)

Овальные

- 1 вариант (овальные)
- 2 вариант (удлиненно-овальные)
- 3 вариант (укороченно-овальные)

Прямоугольные

- 1 вариант (длинные)
- 2 вариант (короткие)

I отдел

Тип: калачевидные

Кресала этого типа по наличию и форме ударной части лезвия (язычка) делятся на три варианта. Кроме калачевидной формы их объединяет оформление концов. В каждом из вариантов есть группа кресал с прямыми концами и есть группа с загнутыми наружу, утолщенными или оформленными завитками концами.

1 вариант (с треугольным язычком). По типологии Б.А.Колчина соответствует I типу, раннему вари-

анту; по Г.А.Федорову-Давыдову - тип Б-I и Б-II; по Э.А.Савельевой - тип I, вариант I-A (рис.2).

Это наиболее многочисленная группа кресал из изучаемой серии (рис. 1, 1-8). Их 54 экземпляра. Из них 6 - из грунтовых могильников. Длина кресал варьирует в пределах 6-9 см. 6 экземпляров более миниатюрные, их длина от 4 до 6 см. Одно кресало (Лакедемоновка) отличается своей массивностью. Его длина - 10,4 см. Высота кресал разная, она зависит от угла наклона концов к рабочей части. У некоторых изделий концы расположены практически параллельно основанию. У большинства кресал концы либо утолщены, либо имеют завитки. Лишь у 11 кресал концы прямые*. У большей части сохранившихся полностью экземпляров концы смыкаются, либо почти соприкасаются. Есть несколько изделий, концы которых расположены необычно. Так, у кресала из Волновахи они в верхней части пересекаются, образуя косой крест. У кресала из Власовки 15/3 (Березуцкий В.Д., 1988, рис.3,18) концы смыкаются в средней части, а их утолщенные окончания отогнуты в противоположные стороны. У трех кресал (Кэпрэрия, п.2; Острая Могила 1/1; Новосадковский 1/1) концы так изогнуты, что примыкают вплотную к язычку, образуя петли. Такая форма несколько напоминает букву В. В-образные кресала (которые мы считаем разновидностью калачевидных) были широко распространены в Приамурье, в памятниках культуры мохэ и чжурчженей. Однако, в отличие от приамурских кресал, у описываемых нами изделий концы утолщены либо завиты.

Язычок у большинства кресал этого варианта небольшой, подтреугольной формы, часто довольно выпуклый, а иногда - плавный, дуговидный бугорок. У многих экземпляров на нем заметны следы от удара кремнем. У 3-х кресал (Центрлаба 8/12; Черемшина 3/1; Балкин хутор-II, 1/1) язычок отличается своеобразием формы. Он - узкий, вертикально вытянутый, смыкается с утолщенными концами, деля кресало пополам. Кроме того, кресало из Центрлабы 8/12 имеет форму равнобедренного треугольника. По нашим наблюдениям, кресала подобной формы и с вертикально вытянутым язычком чаще всего встречаются на Северном Кавказе.

Аналогии этому варианту кресал самые многочисленные, так как распространены они были на территории Центральной, Северной и Восточной Европы, в Азии проникли до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования очень широкое. В древнерусских памятниках они обнаружены, в основном, в слоях X - 3-ей четверти XII вв. (Колчин Б.А., 1982, с.161, рис.4), хотя в небольшом количестве бытовали вплоть до середины XIV в. (Гайдуков П.Г., 1992, с.94, рис.3).

*Здесь имеется в виду не угол наклона по отношению к основанию, а то, что концы на протяжении всей своей длины имеют одинаковую толщину.

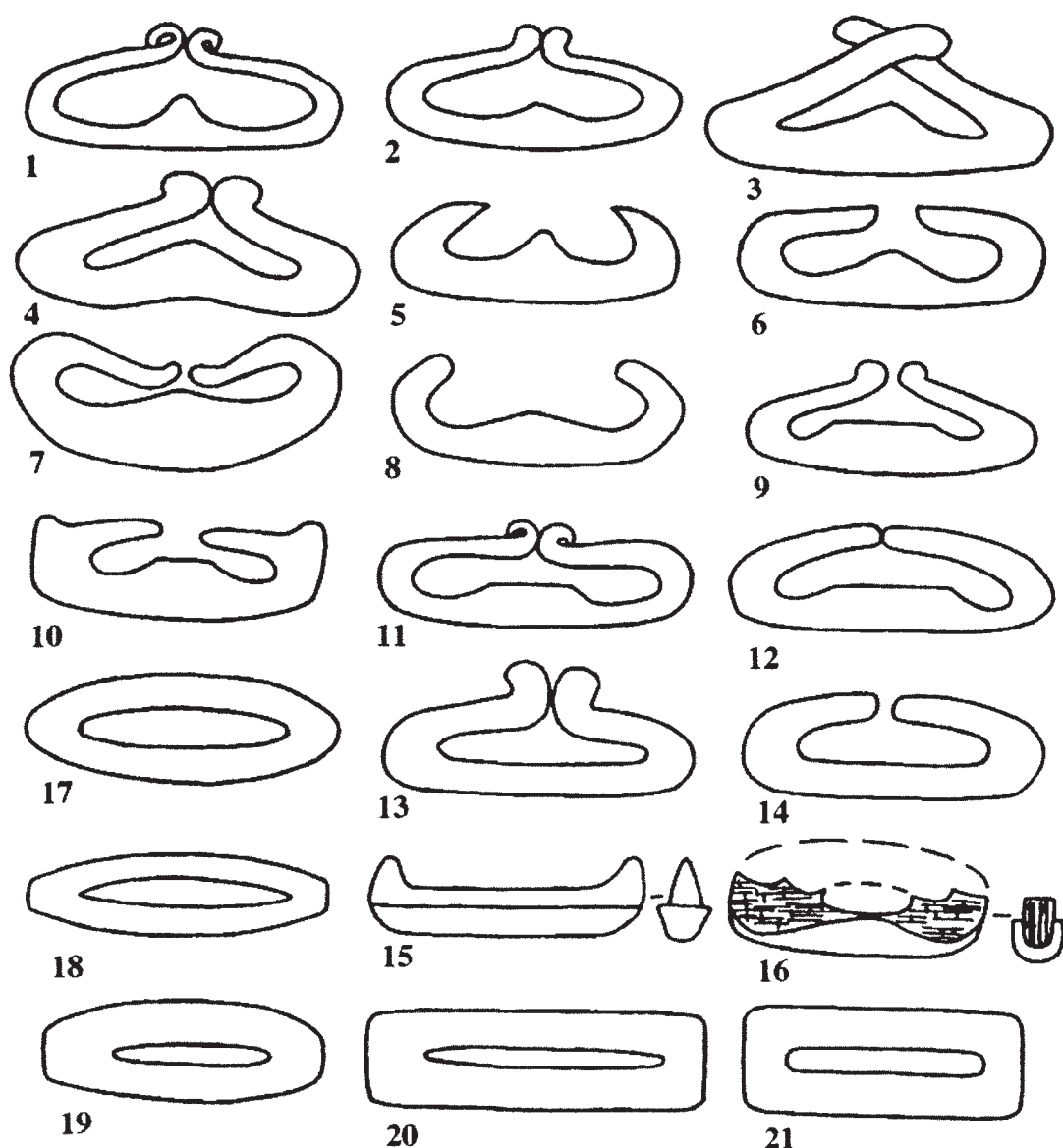

Рис. 1. Типы позднекочевнических кресал Восточной Европы. 1-14 – I отдел, тип калачевидные (1-8 – 1 вариант; 9-12 – 2-й вариант; 13, 14 – 3-й вариант); 15, 16 – I отдел, тип скобовидные (15 – 1-й вариант, 16 – 2-й вариант); 17-19 – II отдел, тип овальные (17 – 1-й вариант, 18 – 2-й вариант, 19 – 3-й вариант); 20, 21 – II отдел, тип прямоугольные (20 – 1-й вариант, 21 – 2-й вариант).

Fig. 1. The types of the late nomadic steels of the Eastern Europe. 1-14 – I section, the crescent type (1-8 – the 1st variant; 9-12 – the 2nd variant; 13, 14 – the 3rd variant); 15, 16 – I section, the staple type (15 – the 1st variant, 16 – the 2nd variant); 17-19 – section II, the oval type (17 – the 1st variant, 18 – the 2nd variant, 19 – the 3rd variant); 20, 21 – II section the rectangular type (20 – the 1st variant, 21 – the 2nd variant).

Abb. 1. Typen der Spätnomadenfeuerzeuge Osteuropas. 1-14 – Abschnitt 1, kalatschförmig (1-8 – Variante 1; 9-12 – Variante 2; 13, 14 – Variante 3); 15, 16 – Abschnitt 1, klammerförmig (15 – Variante 1, 16 – Variante 2); 17-19 – Abschnitt 2, oval (17 – Variante 1, 18 – Variante 2, 19 – Variante 3); 20, 21 – Abschnitt 2, rechteckig (20 – Variante 1; 21 – Variante 2).

Dessin 1. Types des briquets des nomades avancés de l'Europe de l'Est. 1-14 – 1 partie, briquets en forme de cadenas (1-8 – première version; 9-12 – deuxième version; 13, 14 – troisième version); 15, 16 – 1 partie, briquets aux crampons (15 – première version, 16 – deuxième version); 17-19 – 2 partie, briquets ovales (17 – première version, 18 – deuxième version, 19 – troisième version); 20, 21 – 2 partie, briquets rectangulaires (20 – première version; 21 – deuxième version)

Кресала этого варианта часто встречаются в погребениях поздних кочевников. Наиболее ранние (XI-XII вв.) происходят из Мрясимовских курганов (Мажитов Н.А., 1981, к.1,2). Большинство известно в комплексах XIII-XIV вв. (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8,8; 13,32; Мамонтов В.И., 1992, с.30, к.7, п.1; Заднепровский Ю.А., 1975, с. 276-280; Ягодин В.Н., 1991, рис. 57,8).

2 вариант (с удлинённым язычком). По типологии Б.А.Колчина соответствует 1 типу, позднему варианту (Б.А.Колчин не считал выступающую, удлинённую часть основания язычком, называя его лезвием). Г.А.Федоров-Давыдов эти кресала не выделяет. По типологии Э.А.Савельевой - 1 тип, 2 вариант Б - кресало с приподнятым гладким лезвием.

К этому варианту относится 12 экземпляров. Длина кресал от 6 до 7,7 см. Их характерное отличие состоит в том, что язычок у них удлинён в виде прямоугольника, располагаясь либо почти по всей длине лезвия, либо только в его центральной части (рис. 1, 9-12). В первом случае длина язычка составляет 3 см (Новоселовка, Вишневы Дол 1/3), во втором случае - 2-2,5 см (8 экземпляров). У самых крупных кресал (Поток, к.452; Шербанка 1/12) соответственно и самый длинный язычок - 5 см.

У кресал из Каменки, Шербанки, Шахтерска, Ветютнева и Потапова концы утолщены и завиты. У остальных кресал они - прямые. У трех экземпляров концы не сомкнуты, у остальных - сомкнуты или почти соприкасаются. У кресал из Шахтерска, Шербанки, Ново-Подкряжа и Ветютнева концы расположены параллельно основанию. Кроме того, кресало из Ново-Подкряжа выделяется наличием подтреугольных выступов в центральной части концов.

Аналогии данному варианту кресал обнаружены, в основном, на территории Восточной Европы. Они найдены в Карелии и Приладожье, Коми, Пскове и Новгороде, Минске и Полоцке, на Волыни, Нижней Клязьме, Верхнем и Среднем Поволжье, Подонье (Равдоникас В.И., 1934, табл. IV,4; VI,7; Савельева Э.А., 1971, табл. 24,7; Лобанов Н.А., 1989, рис. 2,2; Колчин Б.А., 1959, рис. 84,4-6; Загорюльский Э.М., 1982, табл. XX-X,3; Штыхов Г.В., 1975, с.60; Петегирич В.М., 1990, с.159-160, рис. 38,38; Седова М.В., 1978, табл. 2,19; Дубов И.В., 1982, рис. 12,13; Культура Биляра..., 1985, табл. XLIII,3; Артамонова О.А., 1963, рис. 60). Наиболее ранние относятся к X в. Пик их бытования зафиксирован в XI-XII вв. К началу XIV в. они практически исчезают из употребления оседлого населения Восточной Европы.

В быт кочевников кресала с удлинённым язычком вошли практически с момента появления. Так, подобное кресало обнаружено в погребении кургана 6 у с.Волчанка Куйбышевской обл. (Васильева И.Н., 1985, с. 173, рис. 2,7). Автор датирует это захоронение X-XI вв. Еще один экземпляр найден в Ждановском могильнике, в Казахстане (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 72,51). Это кимакский могильник XI-XII вв.

3 вариант (без язычка). По уточненной типологии Б.А.Колчина соответствует 2 типу - калачевидные,

по Г.А.Федорову-Давыдову - тип Б-III, по типологии Э.А.Савельевой - тип 1, 2 вариант А - с собственно гладким лезвием.

К этому варианту относится 13 кресал. Их длина от 5,3 до 8,6 см. Характерным для них является отсутствие язычка на лезвии (рис.1, 13,14). У шести экземпляров концы утолщены, у пяти - прямые. У кресал из Таборовки и Третьяков концы обломаны (у кресала из Таборовки почти у основания), поэтому описать их невозможно. Почти у всех изделий концы соприкасаются или почти соприкасаются. Только у кресала из Покровки концы расположены далеко друг от друга.

Калачевидные кресала без язычка были почти также широко распространены, как и калачевидные кресала с треугольным язычком. Они встречаются практически на всей территории Древнерусского государства, в Карелии, Коми, памятниках заволжской чуди, в Волжской Болгарии, Центральной Европе, Прибалтике, на Северном Кавказе, Башкирии, лесостепном Зауралье и Нижнем Приобье (Кочуркина С.И., 1981, табл. 7,7; Савельева Э.А., 1971, табл. 22,1; 30,7; Назаренко В.А., 1984, с.146, рис. 9; Семькин Ю.А., 1991, рис. 5, 128-129; Нидерле Л., 1956, рис. 49, 8-9; Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. CX,11; LXXIV, 22; XC, 16; Мужухоев М.Б., 1980, рис. 5,11; Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 90,50). Достигли они Прибайкалья и Приамурья (Асеев И.В., 1980, табл. XII, 12; XXIV, 9; XXVI, 14-15; Медведев В.Е., 1986, рис. 27,2; 31,2,4).

Калачевидные кресала без язычка с прямыми, несходящимися концами в плане напоминают букву С. Поэтому некоторые исследователи их называют С-видными. В Приамурье этот вариант кресал называют В-образными, так как их прямые концы сильно загнуты внутрь (почти касаются лезвия), образуя петли. Первые калачевидные кресала без язычка известны еще в VIII-IX вв. Пик их бытования приходится на XI-XIII вв. Хотя на некоторых памятниках, например, на Северном Кавказе (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963, рис. 5,9; Марковин В.И., 1963, рис. 1,18), они встречаются даже в XVI в.

В погребениях средневековых кочевников подобные кресала также широко известны. Например, аналогичное кресало найдено в погребении (IX-X вв.) карлука в долине р.Кашка-Дарья (Узбекистан) (Кабанов С.К., 1963, рис. 2,2). Четыре экземпляра обнаружены в кыпчакских погребениях XIII-XIV вв. на Южном Урале (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 8,23; 9,5,18; 13,9). Известны они и в половецких погребениях восточноевропейских степей. Г.А.Федоров-Давыдов полагает, что пик бытования подобных кресал у поздних кочевников приходится на вторую половину XIII-XIV вв.

Тип: скобовидные

Они обнаружены в 20 комплексах. К сожалению, не все сохранились полностью, но форма реконструирует-

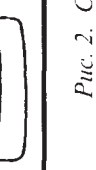
Типы и варианты кресал	А.В.Евлевский Т.М.Потемкина	Б.А. Колчин		Г.А. Федоров-Давыдов	Э.А. Савельева	Л.П. Ходзевич Э.В.Шавкунов
		1 типология	2 типология			
	I отдел, калачевидные, 1 вариант	1 тип, ранний вариант	Калачевидные с язычком	Б-I, Б-II	Тип 1, вариант 1-А	Категория однолезвийные, отдел А, тип III, вариант А, В-Е
	I отдел, калачевидные, 2 вариант	1 тип, поздний вариант	-	-	Тип 1, вариант 2-Б	-
	I отдел, калачевидные, 3 вариант	-	Калачевидные	Б-III	Тип 1, вариант 2-А	Категория однолезвийные, отдел А, тип III, вариант Б
	I отдел, скобовидные, 1 вариант	-	-	-	-	Категория однолезвийные, отдел Б, тип I, вариант А
	I отдел, скобовидные, 2 вариант	-	-	-	-	-
	II отдел, овальные, 1 вариант	-	-	А-II	Тип 3, вид 1	-
	II отдел, овальные, 2 вариант	2 тип	Овальные заостренные	А-III	Тип 2, варианты 1-А,Б	-
	II отдел, овальные, 3 вариант	3 тип	Овальные короткие	-	Тип 3, вид 2	-
	II отдел, прямоугольные, 1 вариант	-	Овальные длинные	А-I (описание)	Тип 4	Категория двулезвийные, тип подпрямоугольно-овальные
	II отдел, прямоугольные, 2 вариант	-	-	-	-	-

Рис. 2. Сравнительная таблица типологий кресал.
 Fig. 2. The comparative table of the steel typology.
 Abb. 2. Vergleichende Tabelle der Feuerzeugtypologie.
 Dessin 2. Tableau comparatif de la typologie des briquets

ся. А у двух экземпляров (Александровка, Николаевка) в значительной степени сохранились деревянные рукояти. Кресала этого типа внешне напоминают скобы, но принципиально отличаются от них. Поскольку функциональное назначение скобы - скреплять предметы, то ее основание расположено горизонтально, чтобы плотно прилегать к изделию и не выступать за его границы. У кресала же - наоборот. Его основание является лезвием, ударяя по которому, высекают искру. Поэтому оно расположено вертикально.

Скобовидные кресала по конструктивным особенностям можно разделить на 2 варианта.

1 вариант (18 экз.). Представляет собой железную пластину с двумя вертикально отходящими сужающимися (часто заостренными) концами (рис. 1, 15). Они предназначены для крепления деревянной ручки-колодки, отпечатки которой практически сохранились на всех экземплярах. Размеры кресал: длина 5-8 см, ширина лезвия 0,8-1,4 см. У пяти изделий основание не плоское: в верхней части, к которой прилегает деревянная рукоять, оно более широкое, чем в нижней. Сечение оснований этих кресал разное: трапецевидное, треугольное, квадратное, полуовальное.

Многочисленные аналогии 1 варианта имеются в Хакасии, на Алтае, в Минусинской котловине, Туве, Приамурье. Считаются типичными для аскизской культуры Южной Сибири и для культуры амурских чжурчженей. Наиболее ранние встречи в комплексах IX-X вв., самые поздние датируются XIII-XIV вв. По мнению В.А. Могильникова, однолезвийные кресала в виде П-образной скобы, насаживающейся на деревянную рукоятку, встречаются только на Саяно-Алтае и в прилегающем районе (Могильников В.А., 1981, с. 195). Однако, несколько экземпляров этого типа встречены на европейских памятниках: в Саркеле (Сорокин С.С., 1959, рис. 26, 13) - 1, на Правобережном Цимлянском городище (Плетнева С.А., 1967, рис. 39, 6) - 1 и 1 - в грабленном сарматском кургане в дельте Дуная (Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984, рис. 15, 7, с. 50). Многочисленны кресала этого типа в погребениях IX-X вв. Танкеевского могильника (Казаков Е.П., 1971, табл. VIII, 8).

2 вариант (с полостью для рукояти). К нему относятся 2 экземпляра (кресала из Александровки и Николаевки). Конструктивной особенностью этих кресал является отсутствие заостренных вертикальных шипов для насаживания деревянной рукояти. Она вставлялась в углубление-полость в железном основании (рис. 1, 16). Размеры кресал: длина - 6,7 и 7,2 см, ширина - 1,2 см, толщина - 0,5 и 1 см. Аналогии этому варианту скобовидных кресал нам не известны.

II отдел

Тип: овальные

Двулезвийные кресала этого типа делятся на три варианта.

1 вариант (овальные). К нему относятся 13 экземпляров. Из них 4 кресала во фрагментах, но форма реконструируется. Кресала этого варианта характерны тем, что их форма близка к классическому геометрическому овалу (рис. 1, 17). Их размеры: длина - 6,3-9,5 см, ширина - 2,6-3,3 см. Ширина кресала из Вербового Лога значительно отличается от других экземпляров - 7 см. У шести кресал прорезь широкая, овальная, у остальных - узкая, щелевидная. Наиболее близки к этому варианту по типологии Г.А. Федорова-Давыдова - тип А-II, по Э.А. Савельевой - тип 3, вид 1 (рис. 2). В типологии Б.А. Колчина эти кресала не выделены.

Аналогичные кресала были распространены, в основном, в Европе. Например, они обнаружены в Приладожье, на Ижорском плато, в Северо-Западной Руси, в Поволжье, в бассейне Северной Двины, Камы, в Нижнем Подонье (Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. XXIII, 13; XXXVII, 3-4; XLIV, 21; Лесман Ю.М., 1982, с. 67-68, рис. на 4-й полосе обложки; Нидерле Л., 1956, рис. 50, 6; Рябинин Е.А., 1986, табл. VIII, 4; Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис. 57, 28; Артамонова О.А., 1963, рис. 48) и т.д. Но есть находка подобного кресала и далеко на востоке, в Приамурье, в Надеждинском могильнике чжурчженей (Медведев В.Е., 1977, табл. XXXIX, 7). Аналогичные кресала найдены и в могилах поздних кочевников Южного Приуралья (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 10, 15). Датируются эти кресала в широком хронологическом диапазоне. Наиболее ранние известны с начала X в.

2 вариант (удлиненно-овальные). К этому варианту относятся 13 экземпляров. Они представляют собой значительно вытянутый овал, узкие боковые части которого обрезаны (рис. 1, 18). Размеры этих кресал: длина 7,2-12,7 см, ширина 2,5-4 см, длина короткой боковой стороны 0,9-2 см. Отношение общей длины изделий к длине короткой боковой стороны: от 6 до 8,4. Прорезь у кресал этого варианта короткая, овальная. У экземпляра из Вербового Лога - длинная с заостренными концами, а у кресала из Кобяковского могильника - широкая овальная фигурная, с миниатюрными язычками. Наиболее близки к этому варианту тип 2 (овальные заостренные) по типологии Б.А. Колчина и тип А-III по классификации Г.А. Федорова-Давыдова; тип 2, варианты 1-Б и 1-А по Э.А. Савельевой.

Аналогичные кресала были распространены практически по всей Северной и Восточной Европе. Широко известны они: в Приладожье, Карелии, Коми, на Белом озере, в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, в бассейне Оки и в Волжской Болгарии, на Волыни, в Беларуси, Молдове (Кочуркина С.И., 1981, табл. 12, 5; 15, 13; Равдоникас В.И., 1934, табл. VII, 4; V, 17; Савельева Э.А., 1987, рис. 16, 32; 17, 1; Голубева Л.А., 1973, рис. 44, 8; Пронин Г.Н., 1986, рис. 3, 2; Толмачева М.М., 1983, рис. 3, № 1307; Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981, рис. 6, 3; Никольская Т.Н., 1981, рис. 100, 39-40; 29, 43; Семькин Ю.А., 1991, рис. 5, 134; Медведев А.Ф., 1967, рис. 27, 9-10; Петегирич В.М., 1990, рис. 38, - 37; Гурин М.Ф., 1987, рис. 29, 1, 5; Рафалович И.А.,

1974, с.111). На востоке они обнаружены в памятниках юдинской культуры лесного Зауралья (Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 90,49; Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. LIII, 27-29; LXX,10; LXX,20). Наиболее ранние экземпляры найдены в Кичилькоськом могильнике (Савельева Э.А., 1971, табл. 22,9) перми вычегодской, где датируются X-XI вв. Широкое распространение получили эти кресала в XII-XIII вв. Наиболее позднее, которое датируется XVI в. обнаружено в Зарядье, Москве (Дубынин А.Ф., 1956, рис. 43,7).

Кресала этого варианта попадают и в позднечетвических погребениях. Например, два подобных кресала найдены в средневековых погребениях Южного Урала (Мажитов Н.А., 1981, к.15; Иванов В.А., Кригер В.А., 1988, рис. 16,25 - к.2, п.2).

3 вариант (укороченно-овальные). К этому варианту относятся 18 экземпляров. Кресало этого варианта представляет собой овал, у которого отсечено плавное, округлое соединение длинных сторон, присутствующее у классических геометрических овалов. В результате получилась форма неполных, укороченных овалов (рис. 1,19). Размеры этих кресал: длина от 6 до 10 см, ширина от 2,3 до 4 см, длина короткой боковой стороны от 1,2 до 3 см. Коэффициент (отношение общей длины к длине короткой боковой стороны) от 3,2 до 5. Прорезь у большинства кресал этого варианта - короткая, узкая, щелевидная. Лишь у двух экземпляров (Каменка, к.430 и Мариуполь, п.7) прорезь широкая, овальная. У Г.А.Федорова-Давыдова эти кресала не выделены. Б.А.Колчин назвал укороченно-овальные кресала овальными короткими (3 тип). Подобные кресала выделяет Э.А.Савельева (Савельева Э.А., 1987, с.60) (тип 3 - укороченно-овальные), М.Ф.Гурин вслед за Б.А. Колчиным называет их овальными короткими (Гурин М.Ф., 1987, с.68), Я.Г. Зверуго, В.М.Петегирич, а также Э.М.Загоруйский выделяют кресала в форме укороченного овала, хотя и не дают их рисунков (Зверуго Я.Г., 1989, с.125; Петегирич В.М., 1990, с.159; Загоруйский Э.М., 1982, с.248).

Кресала этого варианта получили широкое распространение на территории Древней Руси и на соседних землях. Они известны в Карелии, Коми, Прибалтике, в Минске, Полоцке, Верхнем Понеманье, Прикарпатье, на землях Северо-Восточной Руси, Среднем и Нижнем Поволжье, в Москве и Посеймье, на памятниках Волжской Болгарии (Кочуркина С.И., 1981, табл. 7,9; 12,2; Савельева Э.А., 1987, рис. 16,31; 17,4; Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. CX, 7; Загоруйский Э.М., 1989, с.248; Гурин М.Ф., 1987, рис. 29,7; Зверуго Я.Г., 1989, с.125; Петегирич В.М., 1990, с.159; Седова М.В., 1978, табл. 2,17; Малым В.А., Фехнер М.В., 1974, рис. 6; Культура Биляра..., 1985, табл. XLIII, 11-12; Дубынин А.В., 1956, рис. 43,2; Беляева С.А., Недопако Д.П., 1981, рис. 2,71; Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 78,57). Укороченно-овальные кресала

проникли и за Урал. Подобное кресало найдено на городище Искер в Приобье (Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. XCII,8). В позднечетвических погребениях также встречаются аналогичные кресала.

Наиболее ранняя находка этого варианта кресал (если верна датировка авторов - XI в.) происходит из погребения кургана 6 у с.Подолье на Киевщине (Орлов Р.С., Погорелый В.И., 1977, с.87-89, рис. 1,11)*. Известны они в слоях многих памятников, но не ранее XII в. (Гурин М.Ф., 1987, с.68, рис. 29,7). Но все же пик бытования подобных кресал приходится на период XIII-XIV вв.

Тип: прямоугольные

Характерным признаком этого типа кресал является их форма, практически не отличающаяся от геометрического прямоугольника. Хотя у некоторых экземпляров бывают скруглены углы, у других - чуть выпуклы длинные стороны, что может быть и результатом плохой сохранности железа. По своим пропорциям данный тип кресал делится на два варианта.

1 вариант (длинные). К нему относится большинство кресал этого типа (26 экземпляров). Их размеры: длина 7-11 см, ширина 2-3,1 см. Отношение длины к ширине колеблется в пределах 3-4,5. Прорезь у большинства изделий этого варианта - длинная, узкая, щелевидная (рис. 1,20). У 3-х экземпляров прорезь длинная, узкая, подпрямоугольная, у шести - подпрямоугольная, длинная, широкая.

Многочисленные аналогии первому варианту находим среди древнерусских памятников Северной (Новгород, Псков) и Южной Руси (Киев и др.), в земле вятичей (Серенск, Слободка, Старая Рязань, Пронск). Особенно их много в Беларуси (Лысенко П.Ф., 1974, рис. 38,19; Зверуго Я.Г., 1989, рис. 37,15; 42,20; 65,4; Гурин М.Ф., 1987, рис. 29,4; Штыхов Г.В., 1978, рис. 17,22; Загоруйский Э.М., 1982, табл. XXX, 12,13). Там они встречаются как в погребениях, так и в материалах поселений. Аналогичные кресала обнаружены у соседей Древнерусского государства: у балтов, корелов, в вымской культуре (Археология СССР. Финно-угры..., 1987, табл. CXXXI, 34,42; Кочуркина С.И., 1981, табл. 7,8; Савельева Э.А., 1971, табл. 30,5). Датируются эти кресала довольно широко: XII-XIV вв. Наиболее ранние встречены в Яблуневских курганах XI-XII вв. (Моця О.П., 1993, рис. 44). По мнению А.П. Моцы, прямоугольные кресала в южнорусских погребениях датируются XII-XIII вв. (Моця А.П., 1990, с.67). В вымской культуре кресала этого типа появляются в XII в. (Савельева Э.А., 1971, с.60, 103). С конца XII в. они получают распространение в Пскове (Лобанов Н.А., 1989, с.84). В Новгороде подобные кресала датируются второй половиной XIII-XIV вв. (Колчин Б.А., 1982, рис.4,5). Судя по аналогиям, период наибольшей распространенности этого типа кресал - XIII-XIV вв. Известны они и в погребениях средневековых восточноевропейских кочевников

*Орлов Р.С. и Погорелый В.И. называют это кресало прямоугольным.

(Археология СССР. Степи Евразии..., 1981, рис. 82,101; 83,32).

Прямоугольные кресала 1 варианта соответствуют типу 5 (овальные длинные) по уточненной типологии Б.А.Колчина и типу 4 по классификации Э.А.Савельевой. В типологии Г.А.Федорова-Давыдова им наиболее близок тип А-I, точнее его описание, так как на рисунке изображено укороченно-овальное кресало.

2 вариант (короткие). К нему относится 4 экземпляра. Их размеры: длина 7-8 см, ширина 2,4-3 см. Кресало из Калмыкии (канал Волга-Чограй, гр. 52, 1/2) очень короткое, его длина всего 5 см. Отношение длины к ширине менее 3. Прорезь у всех кресал этого варианта одинакова: длинная, узкая, подпрямоугольная с сильно закругленными углами (рис. 1,21).

Три экземпляра этого типа (Кагарлыкская слобода, к.335 и к. 336; Петровское 7/1) не могут быть отнесены ни к одному из вариантов, так как сохранились в обломках, и у них не реконструируется длина. Ширина их варьирует от 2 до 3,5 см. Прорези разные: узкая длинная подпрямоугольная, широкая подпрямоугольная и узкая щелевидная.

Аналогий второму варианту известно значительно меньше. Но они также, как и кресала 1 варианта распространены в разных районах Древней Руси, а также на Каме и Волге. Датировка их та же, что и у 1 варианта. Однако следует отметить раннюю находку подобного кресала в Каргополье в комплексе с вещами конца X - начала XII вв. По мнению автора, этот памятник связан с финскими племенами, у которых прямоугольные кресала появились в период, предшествующий эпохе викингов (Макаров Н.А., 1982, с.85, рис. 3,13).

Следует отметить, что из всей серии анализируемых кресал нет ни одного экземпляра, близкого к выделенному Г.А.Федоровым-Давыдовым типу Б-IV. В нашу типологию не вошли также так называемые "пластинчатые кресала". Они обнаружены в Северокавказском регионе (Краснодарский край, ст. Старонижестеблиевская и к-з им. Ленина). Два происходят из погребений XII-XIV вв., одно - из раннесредневекового погребения. Представляют собой подпрямоугольную пластину длиной от 6,5 до 9,8 см, шириной 2,3-3 см, толщиной 0,5-0,6 см. Пока не произведен металлографический анализ этих предметов, не определено, есть ли у них рабочие края с повышенным содержанием углерода в железе, нельзя утверждать, что это - специальные изделия - кресала. Возможно, что "пластинчатые кресала" - это всего лишь вторичное использование пластинчатых изделий из высококачественного железа.

Хронология

Нет необходимости объяснять невозможность датировки определенных типов вещей (в нашем случае кресал) по дальним аналогиям. Такие сопоставления все же нередко определяют синхронность бытования отдельных типов изделий в какие-то отрезки времени, однако

не могут применяться для абсолютной датировки памятников.

Для установления хронологических рамок бытования кресал у поздних кочевников Восточной Европы нами использован широко известный метод взаимной встречаемости четко датированных основных типов вещей в одном погребении и частоты их находок.

Применяя этот метод, удалось выявить такие группы предметов (рис. 5), которые закономерно находят вместе в захоронениях, что объясняется бытованием их в одно и то же время. Период же появления отдельных типов изделий различен, и поэтому для более точной датировки важно обнаружить так называемые объединяющие типы вещей. Так, например, если калачевидные кресала закономерно встречаются с односоставными удилами, а последние также закономерно встречаются со свинцовыми ворворками, то объединяющим типом здесь выступают удила. Однако важнейшее требование к объединяющему типу - он не должен иметь длительный период бытования. Таким образом, выявляются цепочки взаимосвязанных типов, при определенном допущении относящихся к одному периоду.

Если же датирующий инвентарь существовал в широком хронологическом диапазоне, то для определения более узкой даты погребения (когда это возможно) использовался блок признаков погребального обряда (Евглевский А.В., 1992, с.107-116). Так, например, решетчатые гробовища, каменные заклады, северная ориентировка и разворот лица погребенного на юг, подбой в могилах, следы огня и др. изредка встречаются в период X - первой половины XIII вв., широкое распространение они получили только в золотоордынское время. Таким образом, сочетание этих признаков в одном погребении (не менее трех, чтобы избежать элемента случайности) позволяет отнести такой комплекс ко второй половине XIII-XIV вв.

Датировка основных типов вещей в позднесредневековых погребениях, которой мы придерживаемся, разработана Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Но нельзя забывать, что четыре периода, на которые он разделил время бытования некоторых типов предметов, являются лишь периодами наибольшей распространенности данных типов вещей. Отрезки же времени, на протяжении которых существовали определенные типы изделий от начала появления до полного исчезновения, были естественно шире.

Комплексы, не имеющие в составе погребального инвентаря узкодатируемых предметов и не обладающие блоком признаков погребального обряда, были продатированы нами в широких хронологических рамках. В тех случаях, когда в погребениях присутствовал нумизматический материал, он был максимально использован для уточнения даты комплексов.

Калачевидные с треугольным язычком кресала обнаружены во всех регионах исследуемой территории, кроме Крыма (рис.3). Хронологически комплексы с кресалами

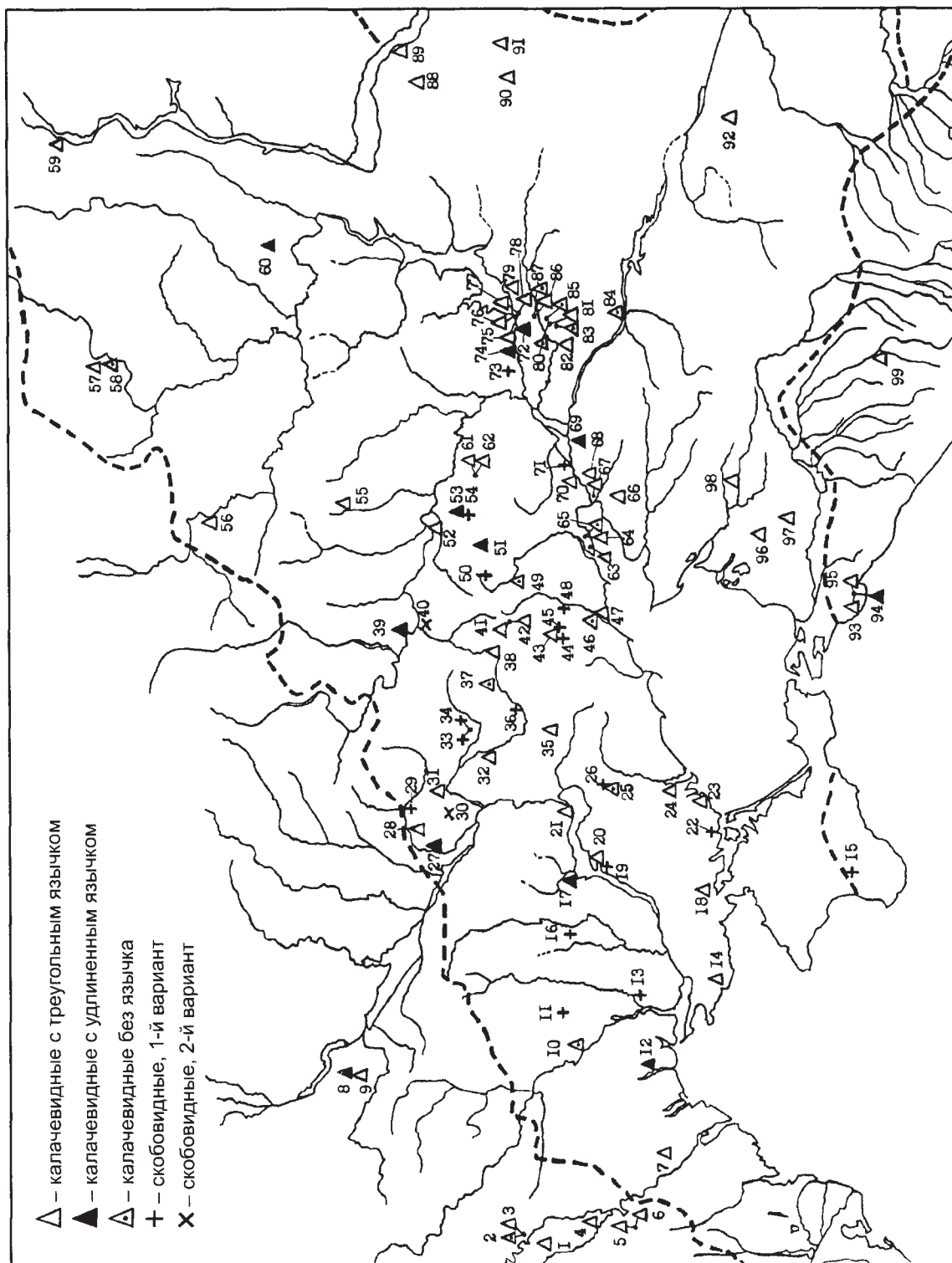

Рис. 3. Погребения с однолезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы (объяснение на с. 191).

Fig. 3. The interments with the monoblade steels of the late nomads of the Eastern Europe (the explanations on page 191).

Abb. 3. Grabstätten mit den einschneidigen Feuerzeugen der Spätnomaden Osteuropas (Erläuterung auf der Seite 191).

Dessin 3. Inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est avec les briquets à un fil (explication voir page 191)

Рис. 3. Погребения с однолезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы:

1 – Фрумушика; 2 – Каменка, к. 433; 3 – Каменка, к. 434; 4 – Селиште, п. 51; 5 – Кэпрэрия, п. 24; 6 – Кэпрэрия, п. 2; 7 – Щербанка 1/12; 8 – Поток, к. 452; 9 – Поток 417/1; 10 – Таборовка 31/6; 11 – Еланец 1/9; 12 – Краснополье 3/13; 13 – Виноградовка 1/3; 14 – Бехтеры 5/9; 15 – Казанки, к. 1; 16 – Розовка 1/1; 17 – Каменка-IV, 4/1 (Днепр.); 18 – Каирка 5/2; 19 – Первомаевка-II, 2/2; 20 – Каменка, п. 92; (Запор. обл.); 21 – Острая Могила-I, 1/1; 22 – Новомихайловка 6/1; 23 – Новогригорьевка 1/1; 24 – Родионовка 4/1; 25 – Тимашевка-II, 5/2; 26 – Пришиб 4/2 (Запор. обл.); 27 – Ново-Подкряж 6/1; 28 – Дмухайловка 6/1; 29 – Котовка-II, 2/2; 30 – Александровка-II, 2/11 (Днепр. обл.); 31 – Губиниха 3-4/3; 32 – Богуслав-I, 25/1; 33 – Марьяна Роца-I, 6/3; 34 – Марьяна Роца-I, 6/2; 35 – Зеленое; 36 – Б. Михайловка-II, 1/2; 37 – Филия 3/1; 38 – Калиново 1/7; 39 – Новоселовка; 40 – Николаевка 3/1 (Дон. обл.); 41 – Текстильщик 4/5; 42 – Сталино, к. 3; 43 – Волноваха 6/1; 44 – Октябрьское 4/2 (Дон. обл.); 45 – Рыбинское 9/1; 46 – Мариуполь, п. 12; 47 – Мариуполь, п. 27; 48 – Балашовка 1/12; 49 – Покровка 2/1; 50 – Шахтерск 8/8; 51 – Шахтерск 4/1; 52 – Александровск 6/1; 53 – Вишневый Дол 1/3; 54 – Смелое 1/2; 55 – Новострельцовка 4/5; 56 – Марки; 57 – Власовка 15/3; 58 – Третьяки 1/2; 59 – Саратов; 60 – Ветютнев 2/3; 61 – Черемшина, к. IV; 62 – Черемшина, к. 3; 63 – Лакедемоновка-II, 1/5; 64 – Русский колодец-VII, 2/10; 65 – Русский колодец-VII, 11/1; 66 – Колузаево 10/29; 67 – Ново-Александровка-I, 48/1 (Рост. обл.); 68 – Высочино-IV, 2/5; 69 – Арпачин 36/1; 70 – Мех. завод 18/1; 71 – Алитуб 6/5; 72 – Потапов-III, 1/1; 73 – Кастырский-VI, 4/6; 74 – Богоявленская 6/1; 75 – Саркел – Белая Вежа, к. 21; 76 – Саркел – Белая Вежа, к. 45; 77 – Саркел – Белая Вежа, к. 1; 78 – Саркел – Белая Вежа, к. 54; 79 – Подгорненский-V, 4/2; 80 – Ново-Садковский 19/1; 81 – Ново-Садковский 1/1; 82 – Московский-I, 8/1; 83 – Новый 3/1 (Рост. обл.); 84 – Козинка-I, 8/1; 85 – Кировский-V, 7/1; 86 – Семенкин, к. 25; 87 – Семенкин, к. 29; 88 – Гува, к. 2; 89 – Кривая Лука-V, 6/1; 90 – Балкин хутор-II, 1/1; 91 – Иджид-I, уч. 4, 6/1; 92 – канал Волга-Чограй, гр. 48, 9/1; 93 – Цемдолина, п. 35; 94 – Цемдолина, п. 34; 95 – Раевский уч. центр 1/2; 96 – Греки-III, 1/6; 97 – Овальный, п. 22; 98 – Анапская-I, 11/1; 99 – Центрлаба 8/2

этого варианта разбиваются на несколько узко и широко датирующихся групп.

Наиболее раннюю датировку IX-XI вв. имеют 5 погребений. Два комплекса из этой группы датируются по стременам типов Б-I (Ново-Стрельцовка 4/5) и Б-II (Саркел-Белая Вежа, к. 1). Захоронение из к. 54 Саркела-Белой Вежи имеет четкую хронологическую привязку по двузвеньевым удилам с крылатыми псалмиями, близкими к типу Б-III.

Одно погребение датируется по бронзовым сердцевиным, плакированным серебром, бляшкам поясного набора (Новогригорьевка 1/1). И, наконец, пятый комплекс датируется этим временем по бронзовой лировидной пряжке типа Г-II и бронзовой четырехконечной соединительной бляхе конской упряжи, украшенной растительным орнаментом, которая близка по форме бляхе А-I, хотя последняя не имеет орнамента.

Вторая группа погребений имеет широкие хронологические рамки X-XIV вв.; Острая Могила-I, 1/1; Бехтеры 5/9; Саркел-Белая Вежа, к. 21; Сталино, к. 3; Кэпрэрия, п. 2; Анапская-I, 11/1.

Одно погребение (Кэпрэрия, п. 24) датируется по подпружной пряжке XI-XII вв. К XII в. относится 8 комплексов, так как в них присутствуют односоставные удила, бытовавшие только в этот период. Это погребения: Губиниха, к. 3-4/3; Родионовка 4/1; Краснополье 3/13; Калиново 1/7; Текстильщик 4/5; Саркел-Белая Вежа, к. 45; Зеленое; Высочино-IV, 2/5.

XII - 1-й половиной XIII вв. датируется погребение из Калмыкии (канал Волга-Чограй, гр. 48, 9/1).

Оно основное, ориентация погребенного северо-северо-западная, стремяна типа Г-I.

Погребение из Черемшины 4/1 относится к периоду рубежа XII-XIII вв. - середины XIII в. по стременам типа Б-I. К XII-XIII вв. относится одно погребение (Богуслав-I, 25/1), датируемое по гончарному горшку древнерусского облика - тип III (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994, с. 78-96).

Семь комплексов мы отнесли к XII-XIV вв. Раевский учебный центр 1/2; Каирка 5/2; Александровск 6/1; Подгорненский-V, 4/2 и Иджид-I, уч. 4, 6/1 продатированы на основании восточных ориентировок погребенных. Подобная ориентация у поздних кочевников не встречается с инвентарем, датирующимся ранее XII в. Комплекс из Овального, п. 22 датируется по наличию костяного наконечника стрелы, костяных пластинок с циркульным орнаментом и подбоя. Комплекс из Центрлабы 8/2 отнесен к XII-XIV вв. по наличию сильноизогнутой сабли.

Три комплекса датируются раннезолотоордынским временем (2-й половиной XIII - началом XIV вв.). Комплексу из Московского-I, 8/1 такую дату дают наконечники стрел (срезни) и стремяна типа Б-II. Погребение из Ново-Александровки-I, 48/1 датируется по блоку признаков (восточная ориентировка, подбой, решетчатое гробовище) и по ромбовидному наконечнику стрелы. Комплекс из Черемшины 3/1 датируется по стременам типа Е-I и Е-II, крупному ромбовидному наконечнику стрелы, серебряной пиале.

Второй половиной XIII-XIV вв. датируются пять комплексов (Фрумушика; Семенкин, к. 25; Власовка

15/3; Гува, к.2; Ново-Садковский 1/1) по наконечникам стрел (срезни) типа: В-IX, В-VI, В-XI, стремнам типа Е-II, а также накладкам колчана со звериным, растительным и геометрическим орнаментом. XIII-XIV вв. датируется погребение Греки-III, 1/6 по рогатому наконечнику стрелы, удилам с крупными кольцами, кольчуге.

Концом XIII-XIV вв. датируют авторы погребения 35 из Цемдолины по перекрестию сабли типа II-A (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с.109-110).

И, наконец, наиболее узкую дату погребений дают находки джучидских монет: XIV в. - Балкин хутор-II, 1/1; не ранее 30-х гг. XIV в. - Кривая Лука-V, 6/1; не ранее 60-х гг. XIV в. - Мариуполь, п.27; Марки; не ранее 2-й половины 60-х гг. XIV в. - Саратов; не ранее 70-х гг. XIV в. - Мехзавод 18/1; не ранее 80-х гг. XIV в. - Дмухайловка 6/1.

Калачевидные кресала с удлинненным язычком обнаружены в 12 комплексах, которые распределены почти по всей степной территории Восточной Европы, за исключением междуречья Днепра и Миуса, Крыма, Нижнего Поволжья, Северного Кавказа (есть 1 комплекс) (рис. 3). Комплексы, где встречаются подобные кресала, как правило, не богаты сопроводительным инвентарем и не отличаются устойчивой связью не только с каким-либо типом вещей, но даже с определенными категориями инвентаря, кроме ножей.

Не наблюдается у всей группы и какого-либо единства среди погребальных конструкций, ориентировок и других особенностей обряда. Пожалуй единственным объединяющим признаком для всей группы является отсутствие захоронений коня. Лишь два погребения, где найдены наконечники стрел и сабля, можно связать с воинами (Ново-Подкряж 6/1; Ветютнев 2/3). Социальное положение остальных не имеет ярко выраженных черт.

Погребения этой группы имеют различные хронологические рамки. Пять погребений датируются по сопутствующему инвентарю очень широко, в пределах X-XIV вв. (Каменка-IV, 4/1; Новоселовка; Поток, к.452; Шербанка 1/12; Потапов-III, 1/1).

Погребение 34 из Цемдолины по зеркалу типа Е-I и костяной пуговице с циркульным орнаментом датируется XII-XIII вв.

Пять комплексов имеют четкие хронологические привязки к золотоордынскому периоду. Такую дату дают кованые железные, квадратные в сечении гвозди (Шахтерск 4/1), стремя, имеющее синкретичные черты двух типов Д-I и Е-II (Вишневы Дол 1/3), вопросовидная серьга - тип VI (Ново-Подкряж 6/1), датирующаяся XIV в., срезень и северо-восточная ориентировка (Ветютнев 2/3), джучидский дирхем (Богоявленская 6/1). Один комплекс можно отнести к XII-XIV вв. (Арпачин 31/1) по стремени, близкому к типам Г-I и Д-I, не встречающихся в памятниках поздних кочевников ранее XII в.

Таким образом, в группе погребений с калачевидными кресалами, имеющими удлинненный язычок, нет комплексов, четко датирующихся X-XI вв., и, напротив, есть датирующиеся золотоордынским

временем. Это позволяет определить бытование этого варианта в рамках XII-XIV вв., а, возможно, и XII-XV вв. (Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980, с.91). Такие выводы подкрепляют и результаты анализа погребального обряда. Основное положение в курганах, наличие ступенек в погребениях и гробовищ, представленных колодой, решетчатой конструкцией и дощатым гробовищем, - явления, получившие широкое распространение только в XIII-XIV вв., подтверждают предложенную датировку.

Калачевидные кресала без язычка встречаются примерно равномерно по всей территории Северного Причерноморья, но отсутствуют: в Поросье, в бассейнах Северского Донца и Дона, в Крыму, на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье (рис. 3). Серия из этих кресал не отличается какими-либо закономерностями во взаимовстречаемости данного варианта кресал с определенными типами вещей или обрядовыми чертами.

Исходя из датирующего инвентаря, погребения с калачевидными кресалами без язычка имеют различные хронологические рамки. Широко датируются (X-XIV вв.) два комплекса: Тимашевка-II, 5/2 и Таборовка 31/6.

К XII-XIV вв. относятся три погребения (Русский Колодец-VII, 11/1; Каменка, к.433; Покровка 2/1). Нижнюю дату у них ограничивают северо-восточные и восточная ориентировки погребенных, не встречающиеся в более раннее время.

Золотоордынским периодом датируются 7 погребений. Комплексу Филия 3/1 такую дату дают пышно орнаментированные костяные накладки седла. Погребению из к.29 у х.Семенкин - наконечники стрел - срезни: В-IX, В-X, В-XI. Срезни встречены также в комплексах: Новый Сад 19/1; Кировский-V, 7/1; Козинка-I, 8/1. Каждый из них, кроме того, датируется соответственно по яме с уступами и наконечнику стрелы типа В-XIII, железной кованой площадке, северо-северо-восточной ориентировке. Комплексам из Третьяков 1/2 и Нового 3/1 такую дату дают бронзовые чаша и площадка, костяные накладки колчана со звериным орнаментом, а также северо-восточные ориентировки погребенных.

Погребение 12 из Мариупольского грунтового могильника датируется находками четырех джучидских монет в разных синхронных погребениях могильника. Удовлетворительная сохранность дирхема из п.2 позволяет прочесть выпуск монеты 1367 г. и имя хана - Абдаллах. Таким образом, могильник и, следовательно, погребение 12 возникли не ранее конца 60-х гг. XIV в.

Необходимо отметить, что в хронологии данной серии кресал наблюдается устойчивая верхняя граница - XIV в. и неустойчивая нижняя, где степень точности датирующего инвентаря в разных погребениях неодинакова. Явное тяготение их ко второй половине XIII-XIV вв. и отсутствие хотя бы одного точно датирующегося ранним периодом комплекса, по-видимому, позволяет отнести период массового бытования этого варианта кресал у поздних кочевников к золотоордынскому времени. Кстати, это единственный тип кресал, получивший в классификации Г.А.

Федорова-Давыдова относительно узкую дату - вторая половина XIII-XIV вв.

Большинство скобовидных кресал (14 из 20 экземпляров) обнаружены в погребениях, расположенных в междуречье Днепра и Миуса. Три кресала этого типа происходят из междуречья Южного Буга и Ингульца, два обнаружено в регионе нижнего течения Дона, 1 - в Крыму (рис. 3).

Среди инвентаря изучаемых погребений обнаруживают наиболее устойчивую связь односоставные удила и восьмерковидные железные пряжки (тип А-V). Восьмерковидные пряжки имеют широкие хронологические рамки (X-XIV вв.). Односоставные удила бытовали лишь в XII в.

Самую раннюю дату (X-XI вв.) дают перекрестные бляхи ремней от уздечного набора (Новомихайловка 6/1), однако в погребении имеются односоставные удила. По-видимому, в данном случае наблюдается финальная стадия бытования перекрестных блях и начало распространения односоставных удили, что дает основание датировать это погребение началом XII в.

Четыре комплекса относятся к периоду X-XIV вв. (Октябрьское 4/2; Пришиб-I, 4/2; Кастырский-VI, 4/6; Виноградовка 1/3), так как сопроводительный инвентарь имеет широкие хронологические рамки. Комплекс Казанки, к.1 датируется 2-й половиной X-XIII вв. (II тип членения ног коня, юго-западная ориентировка погребенного).

XII в. датируются четыре погребения: Рыбинское 9/1; Александровка-II, 2/11; Первомаевка-II, 2/2; Марьяна Роща-I, 6/3. В трех из них присутствуют односоставные удила типа В-I, а в последнем - стремя Б-II.

Комплекс из Николаевки 3/1 можно отнести к XII-XIII вв. на основании однозвеньевых удили и восточной ориентировки, которые дают нижнюю дату, а также наконечника стрелы (срезня), который появляется у поздних кочевников Восточной Европы во второй половине XIII в. В рамках XII-XIV вв. датируется комплекс Балашовка 1/12. Датировку погребения из Балашовки подтверждает наличие каменного заклада погребения и присутствие своеобразных железных гвоздей - признаки, характерные для XIII-XIV вв. Комплекс из Смелого 1/2 автор публикации датирует XII-XIII вв. (Швецов М.Л., 1984, с.264-271). Однако, учитывая северо-восточную ориентацию погребенного и наличие колоды, получивших наибольшее распространение в золотоордынское время, возможно сузить хронологические рамки до 2-й половины XIII в.

Один комплекс относится ко второй половине XIII - началу XIV вв. (Б.Михайловка-II, 1/2). Дату здесь дает наконечник стрелы (срезень - тип В-XI).

В комплексе из Шахтерска 8/8 обнаружен джучидский дирхем хана Узбека (1312 - 1341 гг. правления). Учитывая некоторую стертость монеты, датировать погребение можно не ранее 30-х годов XIV в. (Евглевский А.В., 1989, с.172-173; 1992, с.114).

И, наконец, второй половиной XIII-XIV вв. можно датировать погребение у с.Котовка-II, 2/2. Об этом свидетельствует обряд, где положение костяка головой на запад с разворотом на правый бок (об этом говорит положение рук и стоп, наклоненных на юг, в сторону Кыблы) связывается с влиянием мусульманства (Евглевский А.В., 1990, с. 131-134).

XIII-XIV вв. датируется комплекс Алитуб 6/5 (по удилам с крупными кольцами). Подбой с двумя ступенями, каменный заклад, северо-северо-западная ориентация погребенного, а также практически круглые стремяна позволяют отнести погребение из Розовки 1/1 к XIV в.

Таким образом, проведенный анализ присутствия скобовидных кресал в погребениях поздних кочевников свидетельствует о их бытовании в широких хронологических рамках X-XIV вв. Наиболее ранние экземпляры кресал скобовидного типа могли попасть в причерноморские степи с приходом печенегов в X в. К сожалению, мы не располагаем комплексами, датирующимися лишь X в. Необходимо отметить, что этого типа кресал нет в грунтовых погребениях. Вероятно, во второй половине XIV в. они постепенно выходят из обихода.

Овальные кресала (1 вариант) обнаружены во всех регионах исследуемой территории, кроме Порося (рис. 4).

Погребения с этой группой кресал практически не имеют каких-либо общих закономерностей в обряде и в сопутствующем инвентаре. Не удивительно поэтому и большое размежевание в их датировке.

Наиболее широкие хронологические рамки (X-XIV вв.) имеют 3 комплекса: Каменка к.429; Басань-I, 5/3; Архаринский могильник 24/1, в инвентарь которых не входят узкодатируемые вещи.

Один комплекс относится ко второй половине XI-XIV вв. (Днепрельстан 7/1). Нижнюю дату здесь ограничивает наличие в погребении III типа членения ног коня (по А.Г. Атавину), являющегося характерной особенностью половецких погребений, появившихся в Восточной Европе, если верить письменным источникам, лишь во второй половине XI в.

Два погребения (Новоселицкое 1/1 и Кривая Лука-XIV, 28/1) датируются XII-XIII вв. Комплексу из Новоселицкого такую дату дают стремяна и удила (соответственно тип VII и тип IV по А.Н.Кирпичникову). В погребении из Кривой Луки присутствуют костяные накладки колчана с геометрическим орнаментом и двухзвеньевые удила с маленькими кольцами и круглым в сечении грызлом.

XII-XIV вв. датируется погребение из Войтово-III, 7/2. Нижнюю дату здесь ограничивает северо-восточная ориентировка умершего, появившаяся в обряде кочевников Восточной Европы лишь с приходом какой-то волны номадов в XII в. Инвентаря, датирующегося более ранним временем, встреченного с восточными ориентациями погребенных, нам не известно.

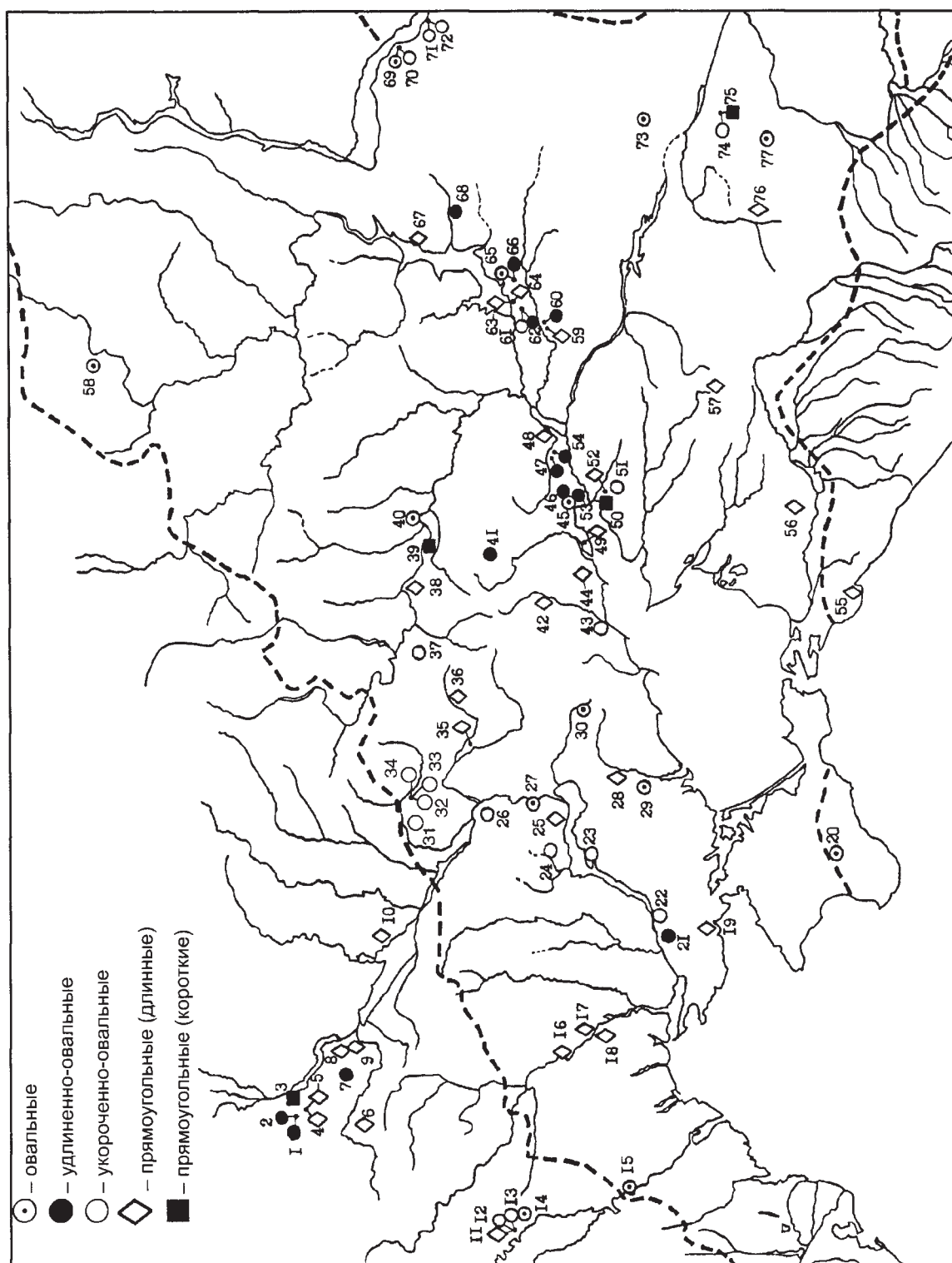

Рис. 4. Погребения с двулезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы (объяснение на с. 195).

Fig. 4. The interments with the doubleblade steels of the late nomads of the Eastern Europe (the explanations on page 195).

Abb. 4. Grabstätten mit den zweischneidigen Feuerzeugen der Spätnomaden Osteuropas (Erläuterung auf der Seite 195).

Dessin 4. Inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est avec les briquets à deux fils (explication voir page 195)

Рис. 4. Погребения с двулезвийными кресалами поздних кочевников Восточной Европы: 1 – Гороховатка 283/2; 2 – Гороховатка 283/1; 3 – Гадомка, к. 222; 4 – Кагарлыкская слобода, к. 335; 5 – Кагарлыкская слобода, к. 336; 6 – Яблунька 46/1; 7 – Зеленки, к. 366; 8 – Бабичи; 9 – Ковали 39-4/1; 10 – Шушвалівка; 11 – Каменка, к. 441 (Поднестрове); 12 – Каменка, к. 430 (Поднестрове); 13 – Каменка, к. 443 (Поднестрове); 14 – Каменка, к. 429; 15 – Парканы 3.98/180; 16 – Кременчук 3/1; 17 – Троицкое 1/1 (Никол. обл.); 18 – Ковалевка, к. 6 (Никол. обл.); 19 – Морская Кошара 4/3; 20 – Симферопольский аэропорт; 21 – Подокалиновка 6/1; 22 – Новокаменка 3/22; 23 – Каменка, п. 27 (Запор. обл.); 24 – Богдана Хмельницкого 6/1; 25 – В.Тарасовка-II, 6/2; 26 – Николаевка-I, 2/1 (Днепр. обл.); 27 – Днепрельстан 7/1; 28 – Троицкое 2/22 (Запор. обл.); 29 – Новониколаевка 6/1 (Запор. обл.); 30 – Басань-I, 5/3; 31 – Миновка-XVII, 3/2; 32 – Котовка-I, 3/1; 33 – Котовка-III, 4/1; 34 – Котовка-I, 8/1; 35 – Павлоград-I, 7/1; 36 – Богдановка-III, 10/1; 37 – Новониколаевка-I, 1/2 (Дон. обл.); 38 – Приволье 12/1; 39 – Пришиб 2/31 (Луг. обл.); 40 – Войтово-III, 7/2; 41 – Никифорово 1/1; 42 – Петровское 7/1; 43 – Мариуполь, п. 7; 44 – Самойлово 2/2; 45 – Недвиговка, п. 3; 46 – Царский 40/1; 47 – Октябрьское 5/1 (Рост. обл.); 48 – Агрос 3/1; 49 – Русский колодец-VII, 5/1; 50 – Колузаево 10/24; 51 – Колузаево 10/8; 52 – Колузаево 10/18; 53 – Кобяковский могильник 15/13; 54 – Грушевский, к. 14; 55 – Цемдолина, п. 36; 56 – Новотитаровка 1/4; 57 – Дмитриевская-I, 1/2; 58 – Власовка 3/2; 59 – Ново-Садковский 3/1; 60 – Кировский-V, 4/1; 61 – Романовский-I, к. 5; 62 – Романовский 1/1; 63 – Подгорненский-IV, 29/1; 64 – Подгорненский-V, 3/2; 65 – Вербовый Лог-VIII, 3/1; 66 – Вербовый Лог-VII, 5/1; 67 – Первомайский-VII, к. 48; 68 – Жутовский 89/1; 69 – Кривая Лука-XIV, 28/1; 70 – Кривая Лука-III, 3/1; 71 – Никольское-I, 3/1; 72 – Никольское-I, 10/1; 73 – Архаринский могильник 24/1; 74 – канал Волга-Чограй, гр. 42. 1/1; 75 – канал Волга-Чограй, гр. 52, 1/2; 76 – Калиновская 10/1; 77 – Новоселицкое 1/1

Пять комплексов относятся ко второй половине XIII-XIV вв. Дату здесь дают наконечники стрел В-Х, В-XIII, В-XV (Парканы 3.98/180 и Недвиговка п.3), стремяна Е-II (Новониколаевка 6/1), Е-I и удила с крупными кольцами (Симферопольский аэропорт). К XIV в. принадлежит одно погребение (Вербовый Лог-VIII, 3/1), датирующееся серебряной серьгой в виде знака вопроса.

Удлиненно-овальные кресала чаще всего встречаются на Нижнем Дону и в Поросье, по одному обнаружены в истоке Миуса и на левобережье Нижнего Днепра (рис. 4). В четырех комплексах (Гороховатка, к. 283, п. 1 и п. 2; Зеленки, к. 366; Подокалиновка 6/1), к сожалению, отсутствует узкодатируемый инвентарь, что позволяет отнести их к широкому хронологическому периоду X-XIV вв.

Погребение Грушевский, к. 14 датируется XII-XIV вв. по яме с уступами и стремянам, близким к отделам Г, Д, Е.

Два комплекса (Царский 40/1 и Романовский 1/1) относятся к середине XIII в. В первом случае дату дают северо-восточно-восточная ориентация и стремя типа В-II, во втором – сочетание в одном комплексе стремян типа Е-I и близкого к типу В-IV.

Остальные шесть погребений относятся ко второй половине XIII-XIV вв. Четкие хронологические привязки здесь дают наконечники стрел: В-IX (Никифорово 1/1) и 86-го типа (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30Г, с. 177) (Вербовый Лог-VIII, 5/1), срезни (Жутовский 89/1; Октябрьское 5/1; Кировский-V, 4/1). Датировку последних трех погребений подтверждают также серьга в виде знака вопроса; удила с большими кольцами; бронзовая плетка, северная ориентация и яма с запелечиками. Комплекс из Кобяковского могильника 15/3 отнесен к золотоордынскому времени по стремяни

типа Е-I, ромбовидному наконечнику стрелы, удилам с крылатыми дуговидными псалиями и удилам с большими кольцами. Таким образом, исходя из материала, логично предположить, что удлиненно-овальные кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы бытовали в золотоордынский период.

Картографирование укороченно-овальных кресал выявило их концентрацию вдоль обоих берегов нижнего течения Днепра. Остальные кресала этого варианта происходят из различных регионов Восточной Европы (рис. 4).

Анализ датирующего инвентаря позволил выявить две хронологические группы погребений с укороченно-овальными кресалами. Первая группа относится к XII-XIV вв. К более раннему времени, чем XII в., эти погребения нельзя отнести в связи с восточной ориентацией погребенных (Новокаменка 3/22 и Каменка, к. 430).

Подавляющее большинство комплексов (Каменка, к. 443; Б.Хмельницкого 6/1; Николаевка-I, 2/1; Новониколаевка-I, 1/2; Котовка-I, 8/1; Котовка-III, 4/1; Котовка-I, 3/1; Каменка, п. 27; Кривая Лука-III, 3/1; Нильское-I, 3/1; Никольское-I, 10/1; канал Волга-Чограй, гр. 42, 4/1) можно уверенно датировать второй половиной XIII-XIV вв. Все они без исключения имеют относительно богатый и разнообразный инвентарь. В их числе предметы оборонительного и наступательного вооружения: шлем, сабля, кинжал, наконечники стрел типов В-VI, В-XV, срезни, кистень, берестяные колчаны, костяные декорированные геометрическим, растительным и звериным орнаментом накладки колчана и лука, конское снаряжение (стремена Е-I и Е-II), костяные наперстки плетей, прямоугольные и лировидные подпружные и ременные пряжки, железный пинцет, медные и железные сосудики,

	IX-X вв.		X в.	XI вв.		XI-XII вв.	XII вв.		XII-XIII вв.				Кон. XII- -XIII вв.	II пол. XIII в.	Руб. XII-XIII - 1-я тр. XIV вв.
	В-I	К XX	А-I	Б-I	Б-III	А-I	Б-II	В-I	Тип V	Костян. "пугов."	Е-I	В-IV	В-I	В-II	Распрямл. грияны
Типы кресал															
	1	1	1	1	1	3	1	5	1	2			1		
										1	1				
			1			2	1	3							
								2							
														1	
										2			1	1	2

Рис. 5. Взаимовстречаемость кресал с узкодатируемыми типами вещей в позднечетических погребениях Восточной Европы.
 Fig. 5. The reciprocal meeting of steels and short-term dated things in the late nomadic interments of the Eastern Europe.
 Abb. 5. Überscheiden der Feuerzeuge mit den engdatierenden Sachentypen in den Spätnomadengrabstätten Osteuropas.
 Dessin 5. Fréquence de rencontre des briquets et des objets datés des termes limités dans les mêmes inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est

2-я половина XIII-XIV вв.															
Типы кресал	Д-I	Е-I	Е-II	Е-II а		Г-IV	Г-III		К-I	Желез. и бронз. плосшки	Костян. накладки с растит. и звер. орнам.	Джучид- ские монеты	Тип IV	Листо- вые метал. фигур.	Тип VI
															?
	1	3	4	3	1					3	1	6			1
											1	3			1
			1							4	1				2
			1				2					1			
		2	2				1		1		1				2
		3	1				3	1		2					2
		1	5		1	1				1	3	2		1	2
		2	2	1			1			4	2	2	1		1
			2												

Рис. 5. (продолжение).

Fig. 5. (continuation).

Abb. 5. (Fortsetzung).

Dessin 5. (suite)

		2-я половина XIII –XIV вв.																					
Типы након.	53	53	68	68	54	54	54	54	54	54	54	54	49	49	36	~40	72	72	60	73		~72	~54
Типы кресал	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20			
	2	5	1	2		2								4	2				3				
	1	1	1										1										
	2	3	2			1			1	1	1		1		1	1							1
		1		1																			
		1																					
	2	3	4		2	2	1			1	2			2	1	2							
	2	4	1	4						2	2												
		7	1	4			4	2	1														
	1				1	1																	

Рис. 5. (окончание). 1-20 даны по: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

Fig. 5. (the end). 1-20 are given according to the work by: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

Abb. 5. (Abschluss). 1-20 sind nach: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

Dessin 5. (fin). 1-20 données de: Медведев А.Ф., 1966, 184 с.

бронзовые чаши, серебряный амулет в виде фигурки человечка. Среди остального, относительно более широко датированного инвентаря, оселки, костяные ворворки, стремяна типов Г-I, Д-I, костяные петли колчана и др.

Ограбленное основное погребение из к.5 (Романовский-I) датируется XIV в. по наличию сырцово-кирпичной площадки в западной поле кургана.

Отметим и некоторые общие черты погребального обряда: основное положение погребений в курганах, наличие уступов и подбоев, укладка погребенных в колоды, решетчатые гробовища или простые дощатые гробы.

Показательно отсутствие в подавляющем большинстве погребений остовов коня или его частей, что свидетельствует о тенденции к изживанию традиции захоронения коня, которая постепенно заменяется укладкой в могилу только стремян, реже удила.

Несколько укороченно-овальных кресал узко датируются по джучидским монетам: Миновка-XVII, 3/2 - 60-е годы XIV в., Колузаево 10/8 - серединой XIV в., Мариуполь, п.7 - конец 60-х гг. XIV в.

Наличие почти во всех погребениях с кресалами этого варианта предметов вооружения, очевидно, свидетельствует о принадлежности их воинам.

Картографирование прямоугольных кресал показало, что они приблизительно равномерно распределены на исследуемой территории, отсутствуя в Крыму и на Нижнем Поволжье. Некоторую концентрацию их можно отметить в Поросье (рис.4).

Всю группу погребений с прямоугольными кресалами, исходя из возможностей датирующего инвентаря, можно разделить на три части. Широко, в пределах XII-XIV вв. датируются комплексы из Кагарлыкской слободы, к.335 и к.336; Гадомки, к.222; Ковалей 394/1; Бабичей; Новотитаровки 1/4; Троицкого 2/22; Калмыкии (канал Волга-Чограй, гр.52, 1/2); Яблунивки 46/1. Нижнюю дату не позволяют опустить костяные ворворки, как правило, орнаментированные кружками и парными параллельными насечками, стремяна типов Г-I и Д-I, не бытовавшие ранее XII в., восточные ориентировки, присутствие целого остова коня, сильноизогнутая сабля. Комплекс Дмитриевская-I, 1/2 по кольчуге, шлему, распрямленной гривне датируется несколько уже: XII- середина XIV вв.

Пятнадцать комплексов датируются в рамках золотоордынского периода. Датирующим инвентарем здесь выступают наконечники стрел с широкими верхними гранями и узкими нижними (Медведев А.Ф., 1966, табл. 30Г, с.177) (Богдановка-III, 10/1), наконечники стрел В-XI, В-XIII (Кременчуг 3/1), В-IX (Каменка, к.4-41), орнаментированные костяные накладки колчана (Ковалевка, к.6), амфора (Волков И.В., 1992, с.145, тип 4) (Морская Кошара 4/3), стремя Е-II (Пришиб 2/31; Русский колодец-VII, 5/1), стремя Е-II и сильноизогнутая сабля (Павлоград-I, 7/1), наконечники стрел В-VI, Б-IV (Самойлово 2/2), бронзовая плошка (Подгорненский-IV, 29/1), железная плошка и срезни (Подгорненский-V, 3/2), бронзовая мисочка, срезни, стремяна с ши-

рокими подножками (Калиновское 10/1), срезень, костяные пулевидные наконечники стрел (Первомайский-VII, к.48), ромбовидный наконечник стрелы и модель котла (Троицкое 1/1). Концом XIII-XIV вв. по монете и общему облику инвентаря продатировали авторы публикации погребение 36 из Цемдолины (Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997, с.109-110).

Одно погребение датируется XIV в. (Ново-Садковский 3/1) по обнаруженной в этом комплексе серебряной серже в виде знака вопроса. Наиболее узкую дату имеют три захоронения. Два из них происходят из кургана у х.Колузаево, где идентичный материал и черты обряда имеют более 20 погребений, впущенных в курган, по-видимому, в одно время. Джучидские монеты середины XIV в., обнаруженные в этих погребениях, позволяют датировать этим временем и комплексы с прямоугольными кресалами (Колузаево, пп.18 и 24). В комплексе Аглос 3/1 присутствует 5 монет Узбека, а, следовательно, он датируется 20-40 гг. XIV в.

Определение датировок погребений с прямоугольными кресалами показало, что все могилы имеют инвентарь, взаимодействующий в XIV в. XIII век, очевидно, определяет начало их распространения, а датировка XII в. требует дополнительной аргументации. Во всяком случае, прямоугольные кресала ни разу не встречены с односоставными удилами или монетами XII в.

Таким образом, можно констатировать, что однопозвонные кресала (калчевидные и скобовидные), появившись у поздних кочевников Восточной Европы в X в., бытовали до конца XIV в. Двупозвонные кресала, широко бытовавшие у кочевников южнорусских степей в золотоордынский период, не вытеснили однопозвонных, сосуществуя с последними (рис. 6). Такая хронология кресал, основанная на методе взаимодействия узкодатированных вещей, может быть в дальнейшем в какой-то степени уточнена после проведения корреляции позднечувшеских древностей Восточной Европы.

Анализ погребального обряда

Проведенная корреляция изучаемой серии кресал со способами укладывания коня в погребение* (рис. 7) дала следующие результаты: три варианта кресал имели устойчивые связи с определенными типами укладки коня. Скобовидные кресала I варианта в подавляющем большинстве случаев встречены с I (20%) и II (67%) типами членения ног коней (Атавин А.Г., 1984, с.134-140). Такой чертой обрядности характеризуются и погребения с калчевидными кресалами I варианта (I тип - 44%, II тип - 44%). I и II типы захоронения чучел коня в позднечувшеских погребениях, по мнению А.Г.Атавина, следует связывать с печенежско-торческим населением. Прямоугольные кресала I варианта в основном (80%) происходят из погребений с целым остовом коня. Подобная деталь обряда связывается исследователями с половцами (Плетнева С.А., 1973, с.12-14, 20-22).

Типы кресал	1-я пол. X в.	2-я пол. X в.	1-я пол. XI в.	2-я пол. XI в.	1-я пол. XII в.	2-я пол. XII в.	1-я пол. XIII в.	2-я пол. XIII в.	1-я пол. XIV в.	2-я пол. XIV в.
										
										
										
										
										
										
										
										
										
										
										

Рис. 6. Хронологические рамки бытования позднекочевнических кресал Восточной Европы.
 Fig. 6. The chronological limits of the existence of the late nomadic steels of the Eastern Europe.
 Abb. 6. Der chronologissche Rahmen des Vorhandenseins der Spätnomadenfeuerzeuge Osteuropas.
 Dessin 6. Cadres cronologiques d'existence des briquets des nomades avancés de l'Europe de l'Est

Как известно, кресало у поздних кочевников, как и у многих других народов, является сугубо мужским атрибутом. Это наблюдение подтверждается и на наших материалах. Лишь только в трех случаях кресала были встречены в могилах с женским инвентарем (Богуслав-I, 25/1; Ново-Подкряж 6/1; Александровск 6/1). Около 10 погребений имели смешанный сопровождающий инвентарь. В большинстве таких захоронений среди вещей мужского обихода встречены женские предметы - гребни. Здесь, вероятно, отразился обряд передачи в качестве подарка вещи ранее умершему родственнику противоположного пола. Это подтверждается многочисленными этнографическими данными (Вышеславцев А., 1886, с.115). Два кенотафа, судя по наличию наконечников стрел и отсутствию специфических женских вещей, можно отнести к мужским кенотафам. Несколько комплексов не поддаются определению по половому признаку.

У разных народов, кочевых и оседлых, зафиксированных этнографически, кресало носилось на поясе в специальном мешочке или футляре, либо просто заворачивалось в ткань. Подобные способы хранения кресал отразились и в погребальной обрядности поздних кочевников Восточной Европы. Так, в 18 комплексах кресала обнаружены с остатками матерчатых или кожаных мешочков, в четырех - были завернуты в ткань, а в двух погребениях они находились в специальных небольших кожаных сумках. Кресалу в таких случаях чаще всего сопутствовали трут, кремь, нож и оселок. Эти предметы вместе с кресалом составляли так называемый походный комплект. Подобные наборы в целом характерны для многих народов, прежде всего кочевых и горных. Так, у тибетцев мужчина в числе основных вещей постоянно носит с собой кресало (Козлов П.К., 1920, с.24). Алтайцы опоясывались ремнем, на котором на отдельных ремешках висели нож и кресало в кожаной оправе с сумочкой для крепления и трута. Без этих принадлежностей алтаец никогда не бывал (Вербицкий В.И., 1893, с.10). У горных таджиков охотник носил специальный охотничий пояс "камар", в котором всегда находились кремь и кресало (Андреев М.С., 1958, с.216). Изображение кресал или мешочков для их хранения иногда встречаются на каменных изваяниях Южной Сибири, Монголии, а также на половецких каменных бабах южнорусских степей (Евтюхова Л.А., 1952, с.110; Плетнева С.А., 1974, с.47).

Известно, что каждая элементарная единица погребального инвентаря занимает определенное место в погребальном сооружении, заполняя его ячейки. Под ячейкой понимают элементарные единицы структуры погребения. Деление структуры на ячейки устанавливается экспериментально, а место, занимаемое предметом, может быть фиксированным и не фиксированным (Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977, с.21).

Логично предположить, что место расположения кресала в погребении должно соответствовать тому,

где оно носилось при жизни. Однако, в отличие от некоторых категорий инвентаря, например, шейных гривн, бус, удила, стремян (если есть конь), располагающихся в погребении на том же месте, где они носились при жизни, кресала, как и ножи, костяные ворворки, ножницы и некоторые другие предметы, не имеют устойчивой позиции.

Из 293 комплексов, в которых обнаружены кресала, местоположение последних зафиксировано в 199 погребениях. Из них 107 экземпляров находились в районе пояса: 27 - у бедер, 44 - на, под, слева или справа от таза, 30 - между кистью руки и тазом, 6 - между предплечьем и тазом. 92 кресала (46%) занимали нетипичные ячейки погребения, то есть располагались не у пояса. 18 раз кресала обнаружены в кисти левой или правой руки, 15 - в районе локтевых суставов, 14 - находились в районе колен, 13 - между бедренными костями, 9 - у, на, под левой или правой рукой, по 6 раз - в районе плеч, у и под левым боком, по 2 раза - в заполнении, у берцовых костей и напротив ступни. Единичные находки кресал отмечены на крышке гроба, в костях лошади, у седла, возле черепа, на груди.

В месторасположении кресал в погребениях наблюдается интересная закономерность: в 103 могилах они обнаружены в левой зоне, то есть слева от костяка, в 62 случаях справа. Чем это можно объяснить? У тюрков Южной Сибири понятие "правый" и его производные дают ряд положительных значений: правый, лицевой, правильный, попутный, успех, удача, прямо, по направлению вперед, исправить, поправляться, жиреть (о лошади). Понятие "левый" - тождественно таким значениям как: убивать, исчезать, усыхать, слепнуть, ложное, неискреннее, заирать. Не случайно шаман держит бубен в левой руке, а колотушку в правой: здесь символика мужского и женского начал передается через противоположность правого и левого (Традиционное мировоззрение..., 1988, с.44). Однако, по отношению к кресалам противопоставление значений "левый-правый" не фиксируется, то есть нет прямых данных, связанных с половозрастными факторами.

На наш взгляд, небезынтересно выяснить причину, по которой такое большое число кресал (46%) располагались в погребениях "не на своем месте". Как известно, практически любая вещь, находящаяся в погребении, имеет неоднозначный характер. Во-первых, изделие выполняет чисто утилитарное назначение, во-вторых, в зависимости от идеологических представлений предмет обладает определенной культовой нагрузкой. Здесь важно отметить, что один и тот же ритуал, одна и та же семантическая нагрузка вещи могла облачаться в различные формы, поскольку языческая религия не имеет писаных канонов. Поэтому, естественно, что один и тот же культ выражался в отдельных коллективах по-разному (Рыбаков Б.А., 1981). В силу различных историко-географических условий

*Искренне благодарим профессора С.А.Плетневу за совет провести данную корреляцию и за другие ценные для авторов рекомендации по написанию статьи.

Типы и варианты кресал	Типы укладки чуел коня в позднечелювических погребениях (по А.Г. Атавину)			Целый остов коня
	I тип	II тип	III тип	
	7	7	1	1
	-	-	-	1
	1	-	1	-
	3	10	1	1
	-	2	-	-
	-	-	3	1
	-	-	1	2
	-	-	1	1
	-	1	1	8
	-	-	-	-

Рис. 7. Корреляция кресал с типами укладки коня в погребениях.

Fig. 7. The steels and the horse location in the interments correlation.

Abb. 7. Feuerzeugkorrelation mit den Arten der Pferdlege in den Grabstätten.

Dessin 7. Corrélation des briquets avec de différents types de mise en tombeau du cheval dans les inhumations

у кочевников могли быть модификации одного и того же культа или верования.

По мнению исследователей, расположение кресал в погребении не в типичном для них месте связано, как и у некоторых других категорий инвентаря, с выполнением ими магических функций оберега (Моця А.П., 1990б, с.36-37; Зеленин Д.К., 1931, с.744). Так, в могилах восточных славян иногда находят кресала, расположенные не у пояса: в насыпи, у ног, плеч, колен (Моця А.П., 1990б, с.37).

Вероятно, кресало должно было защищать прежде всего ту часть тела, рядом с которой его положили. Другие же части тела охраняли часто другие амулеты. Все вместе они создавали воображаемую "стену", охраняющую умершего от злых, враждебных сил потустороннего мира. Такие обереги обладали, по-видимому, низшим защитным рангом в системе охранительных структур. Более высокими по рангу (по возрастающей) последовательно являлись структуры (артефакты), охраняющие погребение, курган, могильник, территорию рода, племени, этноса (Ткачев В.Н., 1985, с.35-48).

Известно, что у кочевников средневековья был широко распространен культ огня, и кресало могло выступать в роли атрибута этого культа, то есть заместителем огня. Близкая мысль была высказана М.Стенбергером. О магической силе кресал свидетельствуют многочисленные данные этнографии, фольклора, а также сказки. Например, у кумандинцев считалось, что умершие, в погребении которых были допущены ошибки, оставались в мире живых. Их называли турлаг. Они обитали в лесу. Поздним вечером турлаг преследовал запоздалых путников. Спасались от них разными способами, в том числе считалось, что их можно отпугнуть искрой из огнива (Сатлаев Ф.А., 1974, с.151-152). По данным карельского фольклора при заговоре знахарь привязывал к себе и исцеляемому поясу, начиненный металлическими изделиями, головами змей, кресалом и другими преграждающими принадлежностями (Лавонен Н.А., 1977, с.73-81). В сказках многих европейских народов железные огнива наряду с практическими функциями наделены и магическими свойствами оберега.

Более того, в Скандинавии эпохи викингов и на территории Восточной Европы во второй половине IX-X вв. бытовали миниатюрные серебряные привески-амулеты (иногда изготовленные из железа), которые копировали форму широко распространенных калачевидных кресал. Они найдены в женских погребениях икладах (Новикова Г.Л., 1988, с.38).

Таким образом, в тех случаях, когда кресало в погребении клали не в районе пояса, то, вероятно, этим подчеркивались прежде всего его магические свойства.

Основная масса сопроводительного инвентаря, равно как и заупокойная пища, помещались в могилу с целью снабдить покойника (душу-тень?) "дорожным" запасом на период очень опасного и весьма длительного путешествия в нижний мир. В дальнейшем эти вещи могли служить погребенному в стране мертвых так же, как они ему служили при жизни. Некоторым покойникам клали в могилу подарки для ранее умерших родственников. Другая группа инвентаря, назовем ее дополнительной, по-видимому, должна была оберегать умершего в пути в страну мертвых. Именно в эту группу, вероятно, входили и кресала.

Таким образом, проведенный анализ кресал, обнаруженных в позднекочевнических погребениях Восточной Европы, показывает, что номады южнорусских степей использовали в быту четыре типа этих изделий: калачевидные, скобовидные, овальные и прямоугольные. Причем, если первые два типа бытовали на протяжении X-XIV вв., то овальные и прямоугольные кресала использовались в XIII-XIV вв.

Необходимо подчеркнуть, что кресала как в повседневной жизни, так и в погребальной обрядности, наряду с практической функцией наделались и магическими свойствами оберега. Эти представления были широко распространены не только у кочевников, но и у оседлого языческого населения.

Важно отметить, что из четырех типов кресал, которыми пользовались средневековые кочевники Восточной Европы, лишь один тип - скобовидные - происходит из среды номадов. Остальные три типа заимствованы у соседей и, вероятнее всего, у древнерусского населения. Возможно, здесь свою роль сыграли технологические особенности изготовления кресал. Ведь кресала, по мнению В.Д.Гопака, принадлежат к группе качественных кузнечных изделий, которые выполнены в сложной технике, доступной лишь высококвалифицированным профессионалам в условиях специализации производства (Гопак В.Д., 1986, с.427). Нельзя также не учитывать и определенное влияние моды на те или иные вещи.

Проведенный анализ источников дает основание считать, что в погребениях поздних кочевников как, по-видимому, и в других культурах (Андреев М.С., 1958, с.216), могут присутствовать два своеобразных комплекта сопроводительного инвентаря: основной и дополнительный.

Кресала встречаются в погребениях бедных и исключительно богатых кочевников, у подростков, взрослых и пожилых людей, у воинов и простых пастухов, крайне редко - у женщин. Кресала, без сомнения, принадлежат к тем категориям инвентаря, которые были необходимы каждому кочевнику вне зависимости от его социального и имущественного положения.

Литература и архивные материалы

1. Андреев М.С., 1958. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи)// Тр. АН Таджикской ССР. Т. LXI. Вып. II. Сталинабад.
2. Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине// Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир-Москва.
3. Арсланова Ф.Х., 1983. Курганы у села Избрижье// Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.
4. Артамонова О.А., 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи// МИА. №109.
5. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья, 1981. М.
6. Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья, 1987. М.
7. Археология Украинской ССР, 1986. Т. 3. К.
8. Асеев И.В., 1980. Прибайкалье в средние века. Новосибирск.
9. Атавин А.Г., 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIV вв.// СА. №1.
10. Беляева С.А., Недопако Д.П., 1981. О металлообработке в Посеймье в XIII-XIV вв. (по материалам Озаричского селища)// Использование методов естественных наук в археологии. К.
11. Береш Ю., 1988. Современное состояние исследования славянских городищ в Восточной Словакии// Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 2. К.
12. Бируля И.В., 1970. Курганы у дер. Ратайчицы// МИА. №176.
13. Васильева И.Н., 1985. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области// Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
14. Вербицкий В.И., 1983. Алтайские инородцы. Сб. этнографических статей и исследований. М.
15. Волков И.В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор// Донские древности. Вып. I. Азов.
16. Воронов Ю.Н., 1979. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э.// КСИА. Вып. 159.
17. Вышеславцев А., 1886. Похоронные и поминальные обычаи некрещенных чуваш Симбирской губернии во второй половине XVII в.// ИРГО. Т. XXI.
18. Гайдуков П.Г., 1992. Словенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.
19. Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.
20. Голубева Л.А., 1964. Огнива с бронзовыми рукоятями// СА. №3.
21. Голубева Л.А., 1965. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы// Новое в советской археологии. М.
22. Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв. М.
23. Голубева Л.А., 1987. Муром// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
24. Голубева Л.А., Варенова А.Б., 1993. Новое об огнивах с бронзовыми рукоятями// РА. №4.
25. Гопак В.Д., 1986. Железообрабатывающее ремесло// Археология Украинской ССР. Т. 3. К.
26. Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. К.
27. Гурин М.Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX-XIII вв. Минск.
28. Дубов И.В., 1982. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.
29. Дубынин А.Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва)// КСИИМК. Вып. 65.
30. Евглевский А.В., 1989. Позднекочевническое погребение с джучидской монетой в Донбассе// Науч.-практ. семинар Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
31. Евглевский А.В., 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы конференции. Луганск.
32. Евглевский А.В., 1992. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета// ДАС. Вып. 1.
33. Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1994. Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья// ДАС. Вып. 5.
34. Евтюхова Л.А., 1952. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии// МИА. №24.
35. Загорюльский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск.
36. Заднепровский Ю.А., 1975. Кочевническое погребение XIII-XIV вв. в Фергане// СА. №4.
37. Зверуго Я.Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск.
38. Зеленин Д.К., 1931. Магические функции примитивных орудий// Известия АН СССР. Л.
39. Иванов В.А., Кригер В.А., 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.

40. Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988. Курганы Миусского полуострова. Ростов-на-Дону.
41. Кабанов С.К., 1963. Погребение воина в долине р.Кашка-Дарья// СА. №3.
42. Казаков Е.П., 1971. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань.
43. Козлов П.К., 1920. Тибет и далай-лама. Пг.
44. Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого// МИА. №65.
45. Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей// Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
46. Коренько А.В., Атавин А.Г., 1986. Позднекочевнические погребения в курганах у с.Новоселицкое (Ставропольский край)// КСИА. №183.
47. Корзухина Г.Ф., 1977. Об Одинах и кресалах Прикамья// Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
48. Кочуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы V-XV вв. Л.
49. Кочуркина С.И., 1986. Корела и Русь. Л.
50. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв.// Древности Чечено-Ингушетии. М.
51. Культура Билэра. Болгарские орудия труда и оружие X-XIII вв., 1985. М.
52. Лавонен Н.А., 1977. О древних магических оберегах (по данным карельского фольклора)// Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.
53. Леонова Н.Б., Смирнов Ю.А., 1977. Погребение как объект формального анализа// КСИА. №148.
54. Лесман Ю.М., 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато// Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
55. Лобанов Н.А., 1989. Некоторые бытовые находки из Пскова// КСИА. Вып.195.
56. Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
57. Мажитов Н.А., 1981. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
58. Макаров Н.А., 1982. Средневековый могильник Попово на Каргополье// КСИА. №171.
59. Мальм В.А., Фехнер М.В., 1974. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневна// Археология Рязанской земли. М.
60. Мамонтов В.И., 1992. Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
61. Марковин В.И., 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р.Чанты-Аргуна// Древности Чечено-Ингушетии. М.
62. Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII-XIV вв.// САИ. Вып. Е 1-36.
63. Медведев А.Ф., 1967. Первые раскопки в Городце на Волге// КСИА. №110.
64. Медведев В.Е., 1977. Культура амурских чжурчжэней. Конец X-XI вв. Новосибирск.
65. Медведев В.Е., 1986. Приамурье в конце I - начале II тыс. (чжурчжэньская эпоха). Новосибирск.
66. Мовчан І.І., Степаненко Л.Я., 1976. Розкопки поселення та могильника в Китаєво// Археологічні дослідження стародавнього Києва. К.
67. Могильников В.А., 1981. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII-XIV вв.// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
68. Могильников В.А., 1987. Юдинская культура// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
69. Монгайт А.Л., 1955. Старая Рязань// МИА. №49.
70. Моця А.П., 1990а. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда// Обряды и верования древнего населения Украины. К.
71. Моця А.П., 1990б. Погребальные памятники южнорусских земель IX-XIII вв. К.
72. Моця О.П., 1993. Населення південно-руських земель IX-XIII ст. К.
73. Муром VII-XI вв., 1990. Йошкар-Ола.
74. Мужухоев М.Б., 1980. Таргимский храм// Северный Кавказ в древности и средние века. М.
75. Назаренко В.А., 1984. Новый памятник заволочской чуди// Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.
76. Нидерле Л., 1956. Славянские древности. М.
77. Никитина Т.Б., 1992. Марийцы (конец XVI - начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола.

78. Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М.
79. Новикова Г.Л., 1988. Языческая символика кресаловидных привесок// Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конференции Древнерусское язычество и его традиции. Псков.
80. Овсянников О.В., Царькова Л.А., 1983. Охранные работы на территории Застенья и окольного города в 1973 и 1974 гг.// Археологическое изучение Пскова. М.
81. Орлов Р.С., Погорілий В.І., 1977. Поховання кочівника поблизу с. Поділля на Київщині// Археологія. №24.
82. Петегирич В.М., 1990. Предметы быта// Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (ранне-славянский и древнерусский периоды). К.
83. Пиркко-Лииза Лехтосало-Хиландер, 1979. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов// Финно-угры и славяне. Л.
84. Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. №62.
85. Плетнева С.А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи// МИА. №109.
86. Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура)// МИА. №142.
87. Плетнева С.А., 1973. Древности черных клобуков// САИ. Вып. Е 1-19.
88. Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е 1-2.
89. Пронин Г.Н., 1986. Раскопки курганно-жальничного могильника у дер. Новинка// КСИА. №183.
90. Равдина Т.В., 1966. Шишимровские курганы// Культура древней Руси. М.
91. Равдоникас В.И., 1934. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье// ИГАИМК. Вып.94.
92. Рафалович И.А., 1974. Культура славян Молдавии (VI-IX вв.)// Древняя культура Молдавии. Кишинев.
93. Розенфельдт Р.Л., 1974. Егорьевская коллекция рязанских вещей// Археология Рязанской земли. М.
94. Розенфельдт Р.Л., 1987а. Коми - зырянские племена IX-XI вв. Вымская культура// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
95. Розенфельдт Р.Л., 1987б. Удмуртские племена в IX-XV вв. Чепецкая культура// Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.
96. Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
97. Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.
98. Савельева Э.А., 1971. Пермь вычегодская. М.
99. Савельева Э.А., 1987. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.
100. Сагайдак М.А., 1988. Хронология археологических комплексов древнего Киева// Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т.2. К.
101. Сатлаев Ф.А., 1974. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX - первой четверти XX века). Горно-Алтайск.
102. Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
103. Седова М.В., Беленькая Д.А., 1981. Окольный город Суздаля// Древнерусские города. М.
104. Семькин Ю.А., 1991. Технология кузнечного производства Биляра// Биляр - столица домонгольской Булгарии. Казань.
105. Симонова Е., 1984. Некоторые результаты раскопок позднеаварского могильника в Фесерлакпуста// Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово.
106. Сорокин С.С., 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи// МИА. № 75.
107. Ткачев В.Н., 1985. К эволюции охранной символики в архитектуре кочевников Центральной Азии// СЭ. № 1.
108. Толмачева М.М., 1983. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани// СА. №1.
109. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири, 1988. Новосибирск.
110. Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
111. Ходзевич Л.П., Шавкунов Э.В., 1990. Классификация и датировка дальневосточных кресал// Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. Владивосток.
112. Циркин А.В., 1987. Материальная культура и быт народов Среднего Поволжья в I тыс. н.э. Красноярск.
113. Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В., 1980. Кочевнические погребения Среднего Приорелья// Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.
114. Швецов М.Л., 1984. Позднекочевническое погребение у с.Смелое на Северском Донце// СА. № 1.

115. Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк. Минск.
116. Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли. Минск.
117. Ягодин В.Н., 1991. Стреловидные планировки Устюрта (опыт историко-культурной интерпретации)// Археология Приаралья. Вып.V. Ташкент.
118. Kaks P., 1969. Ett ryttaeldstel. Nordsvensk forntid. Skytteanska samfundets handlingar 6. Umee.
119. Kivikoski E., 1937. Studien zu Birkas Handel im uestlichen Ostseegebiet// Acta archaeologica. VIII.
120. Kokowski A., 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Pszeworskkultur// Memoires Archeologiques. Lublin.

Summary

A.V. Yevglevsky, T.M. Potjomkina (Donetsk)
Steels in Late Nomadic Interments of Eastern Europe

Interments with steels (the device for kindling fire) constitute 13 % of all nomadic interments of the Xth-XIVth cc. in Eastern Europe. The article presents the most complete typology and chronology of steels, which were used by nomads of southern Russian steppes.

It is for the first time when staple-shape type of steels (the 2nd type) has taken its place in the typological and chronological scale of the present category of articles. Analogue in other regions are not known. The constructive peculiarity of these steels is the presence of deepening-cavity in the iron base for wooden halve instead of pointed vertical tenons.

One-blade steels (U-shaped and staple-shaped ones), having appeared in late nomads of Eastern Europe in the Xth c., are traced up to the end of the XIVth c. Two-blade steels, widely occurring in nomads during the Golden Horde epoch did not oust one-blade ones coexisting with the latters.

It is notable that among 4 types of steels used by medieval nomads of Eastern Europe, only one type – staple-shaped – is of nomadic environment origin. Three others (U-shaped, oval and rectangular) are apparently borrowed from settled neighbours, chiefly from the Old Russian inhabitants.

Steels are found the interments of poor and extremely rich nomads, of herdsmen and soldiers, of young, grown up and old people, but very seldom in women's interments.

A.W., Jewglewskij, T.M., Potjomkina (Donezk)
Steinstücke zum Feuerschlagen in den Spätnomadengräbern Osteuropas

Gräber mit Steinstücken zum Feuerschlagen machen 13% aller Nomadengräber des 10.-14. Jhs. Osteuropas aus. In diesem Artikel werden die volle Typologie und Chronologie der Steinstücke zum Feuerschlagen aufgeführt, die Nomaden der südrussischen Steppen benutzten.

Zum ersten Mal wird die Stelle der klammerförmigen Steinstücke (die 2. Variante) in der Typologie und in der chronologischen Skala dieser Sachenkategorie bestimmt. Ihre Analogen in anderen Gebieten sind unbekannt. Die konstruktionsmäßige Besonderheit dieser Steinstücke ist das Vorhandensein der Vertiefung-Höhlung in der eisernen Basis für den Holzgriff statt der senkrechten Spitzdörne.

Zylinder- und klammerförmige einschneidige Steinstücke, die bei den Spätnomaden Osteuropas im 10. Jh. entstanden, existierten bis Ende des 14. Jhs. Zweischneidige Steinstücke, die bei Nomaden in der Zeit der Goldenen Horde breit verwendet wurden, verdrängten die einschneidigen Steinstücke nicht, sondern koexistierten mit ihnen.

Es ist beachtenswert, daß von 4 Typen der Steinstücke, die mittelalterlichen Nomaden Osteuropas benutzten, nur 1 Typ (die klammerförmigen Steinstücke) aus dem Nomadenmilieu stammt. Die anderen 3 Typen (zylinder-, oval- und rechtwinkliche Steinstücke) wurden von den seßhaften Nachbarn entlehnt, vorwiegend von der altrussischen Bevölkerung.

Steinstücke wurden in Gräbern sowohl armer als auch reicher Nomaden, in Gräbern von Hirten und Krieger, von Halbwüchsigen und Erwachsenen, aber sehr selten in den Frauengräbern entdeckt.

A.V. Evglevski, T.M. Potemkina (Donetsk)

Briquets dans les inhumations des nomades avancés de l'Europe de l'Est

Les sépultures avec les briquets (en russe «kressalo») font 13% des inhumations des nomades de X-XIV siècles de l'Europe Orientale. L'article offre une typologie et une chronologie les plus exhaustives des briquets utilisés par les nomades des steppes russes de sud.

Pour la première fois on définit une place des briquets aux crampons (2 version) dans une échelle typologique et chronologique de cette catégorie d'objets. Ils n'ont pas d'analogies connues dans d'autres régions. Une particularité constructive de ces briquets est une cavité dans la base en fer pour la manche de bois au lieu de tenons verticaux pointus.

Les briquets à un fil (aux crampons et en forme de cadenas) apparaissent chez les nomades avancés de l'Europe de l'Est au X siècle et existent jusqu'à la fin du XIV siècle. Les briquets à deux fils existent chez les nomades à l'époque de la Horde d'Or. Ils ne supplantent pas les briquets à un fil, mais coexistent avec eux.

Il est à noter que de 4 types de briquets utilisés par les nomades de l'Europe de l'Est au Moyen Age, seuls les briquets aux crampons sont inventés par eux-mêmes. Les autres 3 types (ovales, rectangulaires, en forme de cadenas) sont empruntés aux voisins attachés au sol, principalement aux Russes anciens.

On rencontre des briquets dans les sépultures des nomades pauvres aussi que des nomades extrêmement riches, des bergers comme des guerriers, des adolescents, des adultes et des gens âgés. Mais ils sont très rares dans les inhumations féminines.